

Наталья Андреева

детектив & загадка

Королевы умирают стоя,
или Комната с видом на огни

Наталья Вячеславовна Андреева

Королевы умирают стоя, или Комната с видом на огни

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6080740

Андреева Н. В. Королевы умирают стоя, или Комната с видом на огни :

роман : Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-64868-9

Аннотация

Сотрудница турагентства Анна Австрийская, несмотря на фамилию, вовсе не чувствует себя королевой. Ее жизнь рушится: хозяева фирмы выгнали с работы по навету, любимый муж, узнав, что она осталась без денег, сбежал, лучшая подруга предала. В отчаянии Анна решает покончить с собой, оставив на столе предсмертную записку с перечнем своих врагов. Ее спасает сын, вернувшийся из школы раньше времени. Все приходится начать с нуля, но тут вдруг Анне улыбается Фортуна. Австрийская случайно знакомится с крупным бизнесменом Владимиром Ленским, который предлагает стать его любовницей. У Анны появляются большие деньги, а вскоре ее враги, один за другим, начинают умирать. В окружении Анны хватает людей с темным прошлым. Ни обеспеченная жизнь, ни карьера певицы не принесли ей счастья. Австрийская одержима жаждой мести. И

кто-то из близких ей людей, поняв, чего именно хочет Анна, берет на себя роль Мессии...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	43
Глава 3	77
Глава 4	115
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Наталья Андреева Королевы умирают стоя, или Комната с видом на огни

Пролог

Первое, что Анна подумала, глядя из окна пятнадцатого этажа на расцарапанный железными лопатами дворников заснеженный тротуар и ряд автобусных остановок, было: «Господи, до чего же там хорошо! Хорошо и спокойно. Вот оно – счастье: свалиться вниз, пережить краткий миг полета, и потом долгожданное освобождение от всех проблем. Там покой, примирение со всем, что случилось, конец боли. Я туда хочу».

Анна попыталась повернуть испачканную белой краской ручку и открыть окно, но рама не поддавалась ее слабым рукам. Засохшие шпингалеты никак не хотели повернуться в своих пазах и выпустить ее на свободу. Она долго, ломая ногти, рвала на себя грязную ручку и плакала, плакала, плакала...

«Я просто боюсь. Мне страшно: а вдруг это больно? Гово-

рят, что при падении с такой высоты все произойдет мгновенно, но из тех, кто это попробовал, ни один ведь уже не сможет подтвердить, больно или не больно. Господи, о чем я думаю?! Да какая мне разница?!»

Она отошла от окна. Прошлась несколько раз по кухне, бессмысленно хватаясь то за чайник, то за полотенце, переключившись с места на место вещи и кроша ножом какуюто еду. Хотя есть ей давно уже не хотелось.

«Куда теперь? Искать новую работу? Нового мужчину? Чтобы потом опять остаться брошенной, никому не нужной, чтобы вновь разочаровываться и проклинать сам момент своего рождения? Я не просила меня рожать: зачем люди производят на муки себе подобных, какое они имеют на это право? Мне противна сама мысль о завтрашнем дне. О том, что солнце снова взойдет, что придется встать с постели. А что дальше? Нет, думать обо всем этом просто невыносимо! Обязательно надо чемнибудь заняться. Но чем? Есть не хочется. Есть нужно, чтобы жить, а жить не хочется. Телевизор включить? Там тоже люди, которые делают вид, что желают всем добра, а сами только и думают, как бы тоже когонибудь слопать, стрескать, сожрать... А если попробовать? Я всего лишь попробую, вдруг это не так уж и страшно? Пойти, взять ручку, бумагу, написать: «Прошу винить в моей смерти...» Может, не надо никого винить? Нет, надо! Пусть знают!»

Анна нашла ручку в письменном столе, вырвала из школь-

ной тетрадки сына листок в клетку, зачемто взяла ножницы и по привычке подрезала неровный край, проверила, хорошо ли пишет стержень. Потом аккуратно вывела:

«В моей смерти прошу винить:

Моего мужа Ивана Панкова,

Моего друга детства Андрея Юсупова,

Его жену Светлану Юсупову,

Мою лучшую подругу Ольгу Калининскую.

Они убили меня! Если можно наказать их за это, своей последней волей заклинаю: сделайте это ктонибудь! Сделайте!»

«Вот и все. Написала. Пусть будет красиво. А вдруг по телевизору покажут? Было бы здорово в вечернем выпуске новостей показать репортаж о том, как молодая красивая женщина свела счеты с жизнью. Все будут меня жалеть, и *они* тоже увидят... Господи, подписью забыла! Как же, не поставить внизу свою королевскую фамилию! Сколько слез изза нее пролито, но теперь даже на это наплевать», – и она размашисто расписалась внизу листа:

«Анна Австрийская, двадцатое марта».

Положила листок на стол, еще немного походила по комнате. Как все вокруг изменилось! Костюм, о котором она столько мечтала, дорогой, цвета шампанского, валяется на полу ненужной тряпкой, любимая ваза, которую прежде два раза в неделю аккуратно протирала тряпочкой, громоздится на столе бесполезным куском стекла, любимые книги пылят-

ся на полке, и она твердо знает, что никогда больше их не откроет.

Анна долго кружила по комнате. Записка готова, надо действовать. Уговаривать себя, убеждать в том, что покончить со всем этим сегодня же, сейчас, – это единственно правильное решение.

«И так отныне будет всегда: просыпаться с отвратительным чувством, что все люди сволочи, что жить незачем, ведь ты никому не нужна. Как страшно! Весна на улице. Зачем весна? Земля немного оттаяла, могилу легче копать. Интересно, на похороны они все придут? Плакать будут. Оправдываться. Потом Иван станет приходить на мою могилу и жалеть, жалеть, жалеть...»

Тут Анне самой стало до того себя жалко, что она заплакала. Плача, подошла к шкафу, где лежали мамины лекарства, порылась в коробке.

«Чем тут можно отравиться? Анальгин, ношпа, активированный уголь, димедрол. Наверное, димедрол подойдет. Что-то я об этом слышала. Хорошо, что его здесь много!»

Анна стала надирать упаковку за упаковкой и по одной вынимать маленькие белые таблетки. Складывать их в кучку. Они выглядели не так страшно, как тротуар из окна пятнадцатого этажа. Анна постояла немного возле этой кучки, потом принесла из кухни стакан воды.

«В конце концов, я просто засну. Спать! Как это здорово! Спать! Да, я хочу спать...»

Она горстями стала глотать таблетки, прихлебывая теплую противную воду. Потом поправила записку на столе, чтобы лежала ровно и сразу бросалась в глаза, легла на кровать, накрылась пледом и стала ждать. Постепенно ее затошнило, потом затрясло. Не такто это оказалось просто: заснуть. Ей было не по себе. Боль всетаки пришла.

– Помогите! – прохрипела она. – Mamочка, мне страшно!

Ничего не изменилось. Начал наваливаться сон, тяжелый, болезненный, липкий. Анна уже поняла, что умирать очень больно, еще больнее, чем жить, и последнее, что она услышала, это как хлопнула входная дверь...

Глава 1

Болезнь

– Дыши! Дыши! Дыши!

Анна приоткрыла глаза, почувствовала резкую боль и тут же поспешила закрыть их снова. Ее пытались удушить, прижимая что-то вплотную к лицу.

– Дыши! – снова резанул слух визгливый женский голос.

Она закашлялась, отпихнула рукой маску, шланг от которой тянулся к аппарату, подающему кислород, и окончательно открыла глаза.

– Господи, девочка, ну, ты нас и напугала!

Первое, что вернулось к Анне, была боль.

– Очнулась? Что ж ты, а? Живешь, дышишь? – Над ней склонилось чье-то лицо, наполовину закрытое белой марлевой повязкой.

– Не хочу... – с трудом прохрипела Анна.

– Что?

– Не хочу жить...

– А я думала, что тебе уже хватит. После такого промывания желудка у людей пропадает охота травиться. Ах ты, дурочка, дурочка.

– Там хорошо... – снова чуть пошевелила губами Анна. – В темноте...

– Светлана Степановна, да ее уже в палату можно переводить из реанимации! А когда очухается – в психиатричку. Пусть там разбираются, а то еще чего доброго она из окна сиганет, – недовольно поджала губы молоденькая медсестра.

– Девочка, ты держись. Не будешь больше делать глупости? – спросила та, кого назвали Светланой Степановной.

Анна отвернулась к стене. Медсестра зло сказала:

– Да будет. Не видите, что ли? Упрямая какая!

– Ты, Юля, помолчи. Ну, заколют ее аминазином, и конец всему. Надо проследить, чтобы девочка опять не сорвалась.

– Да что я ее одну должна караулить, что ли?! На мне целое отделение за копеечную зарплату! Сколько народу лежит, старушки почти не ходячие, а я с этой дурой молодой буду нянчиться! И она к тому ж ненормальная!

– Помолчи! Другие здесь затем, чтоб выжить, они и сами о себе позаботятся, а эта сама себе не поможет. Не видишь, что ли, – она умирать сюда пришла. Давай на каталку ее и в палату. И не отходи ни на шаг.

– В какую ее? В десятую, к молодым?

– Нет, туда, где две бабульки лежат. Там есть одна ходячая, бойкая, она и приглядит.

– И всетаки лучше бы ее к психам отправить, – пробубнила Юля, направляясь за транспортировочным средством и санитаркой.

Пока Анну везли по длинному белому коридору, она пыталась вспомнить только одно: что это значит – жить? Как

она раньше жила? Но эти воспоминания не вызывали ничего, кроме отвращения, как и люди, трогавшие ее. В маленькой палате стояли четыре койки, две из них были застелены, на обеих занятых тумбочках в беспорядке перемешались стеклянные банки, пузырьки с лекарствами, таблетки, чайные ложки, бинты... Пахло старостью и болезнью. Когда Анну переложили на кровать, Юля поправила на ней одеяло, брезгливо проронила:

– Смотри у меня. Не вздумай чегонибудь с собой сделать, мне Светлана Степановна наказала. Сейчас бабульки с обеда придут, я им велю присмотреть. Вознито с тобой сколько! Подумаешь, королева! Анна Австрийская!

Медсестра еще раз презрительно фыркнула и ушла. Анна обессиленно прикрыла глаза. Ох уж это злополучное имя!

Все ее несчастья начались с отца. Он был чрезвычайно упрям, этот помешанный на своей мнимой гениальности художник с непонятно откуда взявшейся фамилией Австрийский. «Александр Австрийский», – расписывался он размашисто под своими странными картинами. Женился он поздно, но уже задолго до этого страстно мечтал о ребенке. Не о мальчике, как многие мужчины, а о девочке. И во что бы то ни стало хотел назвать ее Анной, хотя многие говорили, что не стоит казаться смешным. Быть Анной Австрийской – это еще не значит принадлежать к королевской династии. Но в семье Австрийских ждали принцессу, и после долгих лет

бесплодного ожидания судьба наконец сжалилась над стареющим художником. Ребенок появился, и оказалась это долгожданная девочка.

Отец был счастлив несказанно, и вскоре после выписки из роддома в одном из московских загсов девочку записали как Австрийскую Анну Александровну. Толстая тетка в мохеровой кофте, поклонница Дюма, широко улыбнулась родителям и пошутила: «Поздравляю с новорожденной принцессой! Осталось только найти для нее короля!»

Детство Анны было отравлено злополучной фамилией: над ней смеялись все – и взрослые и дети. Отец занимался только тем, что писал никому не понятные и неприятные картины и тщетно пытался доказать окружающим, что картины эти гениальны. Увидев же Анну, улыбался грустно:

– А, принцесса!

Чуть трогал испачканными краской пальцами ее мягкие светлые волосы и возвращался к очередному недописанному холсту.

Мать, рядовая сотрудница районной библиотеки, всю жизнь тщетно пыталась свести концы с концами. Она то ругала мужа, то умоляла его взяться за какуюнибудь подработку. Мол, многие художники находят халтуру. Чтобы платили деньги, можно было и через себя переступить. Отец упрявился и пил, денег попрежнему не было, Анна ходила в заштопанных колготках и кофточках, которые, сидя на работе, мать перевязывала из старых вещей. Девочка постоянно

слышала вслед: «Эй, королева! Ты чего такая облезлая? А еще Анна Австрийская!»

Аня мысленно ругала их всех: отца, мать, родственников, учителей, которые тоже не могли сдержаться, вызывая ее отвечать не просто по фамилии, а именно так: «А сейчас к доске пойдет Анна Австрийская». И в классе тут же раздавался дружный смех.

Спеша скорее повзрослеть, она рано вышла замуж. Да что там – рано! Это был скандал на всю школу, когда Аня забеременела в шестнадцать лет от своего же одноклассника, и родители поспешно и без лишнего шума их расписали.

От Вани Панкова все девочки в школе были без ума. Этому мальчику никакая девочка не могла отказать. И Аня не стала исключением. То, что Ваня снизошел до нее, оказалось настоящим подарком. Как мог *такой* парень полюбить *такую* девушку? О! Разницу между собой и Ваней Панковым Аня с самого начала усвоила четко. И долго гадала – за что же ей выпало такое счастье?

Может быть, все дело в ее необыкновенных глазах: светлосерых, с золотистой каймой вокруг зрачка, от чего создавалось впечатление, будто в этих глазах постоянно горят яркие ночные звезды. И еще Аня была высокого роста, худенькая, легкая, стройная. В шестнадцать лет она вся будто бы светилась изнутри, и к ней тянулись, как к солнечному лучу, возле которого и в самый пасмурный день можно согреться. Кончилось бурное увлечение необыкновенными глаза-

ми тем, что Ваня потерял всякую осторожность и не успел опомниться, как получил свидетельство о браке раньше, чем школьный аттестат.

За три дня до свадьбы случился грандиозный скандал. Отец Анны в категоричной форме заявил, что и после бракосочетания его дочь оставит свою девичью фамилию. Ох уж эта фамилия! Родня жениха поначалу обиделась всерьез, сам Ваня кричал, что не позволит унижать свое мужское достоинство, Аня рыдала всю ночь напролет и подумала уже, что останется вообще без мужа.

Но шумных Австрийских было гораздо больше, немногочисленные тихие Панковы сдались накануне свадьбы, и Анне от ненавистной фамилии избавиться так и не удалось. «Ничего, ничего, – думала она, ставя «королевскую» подпись в толстой регистрационной книге. – Не всегда отец будет мною командовать, когданибудь я вырасту...» Анне ко дню бракосочетания едваедва исполнилось семнадцать лет.

А через шесть месяцев, знойным летом, в семье появился еще один Александр Австрийский. Узнав, что и сын не будет носить его фамилию, Ваня Панков только вздохнул и пошел готовиться к экзаменам в институт: один ребенок от армии не освобождал.

Сквозь болезненную дремоту Анна почувствовала в палате какое-то движение.

– Ой, молоденькаято какая!

– Говорят, самоубийца она.

– Святсвятсвят, Тамара Константиновна, грехто какой себя кончать!

– Тише, Надежда Михайловна! Спит, похоже...

Раздался скрип панцирных сеток, негромкое позвякивание чайной ложечки в стакане, шелест конфетных бумажек. Анна не выдержала и открыла глаза. Они сидели на кроватях, два божьих одуванчика, Тамара Константиновна и Надежда Михайловна. Одна совсем седенькая, сухонькая, другая полная, с густыми курчавыми волосами. Обе поглядывали на молодую женщину исподтишка, посасывая дешевые карамельки, пахло свежезаваренным чаем и ливерной колбасой. Анну вдруг затошнило, она застонала и повернулась на бок. Бабульки засуетились:

– Милая, тебе, может, надо чего? Так мы докторшу позове-
м.

– Нет, – выдохнула Анна.

– Да ты водички попей, детка, водички, – седенькая старушка сунула почти к самому ее рту стакан с чаем.

– Плохо. Не могу, – прохрипела она.

– Ну, лежи. А может, докторшу позвать?

Она отрицательно качнула головой и опять провалилась в темноту.

На следующий день в палату пришла женщина в белом халате, бабульки сразу признали в ней чужую и бочком, бочком выползли в коридор. Женщина была моложавой, ухо-

женной, на аккуратно подстриженных ногтях матово светился свежий лак. Анна поморщилась.

«Ногти у нее в порядке! Подумаешь! А мои нет! И чего она сюда пришла?»

Женщина достала какие-то бумаги, заглянула в них, потом улыбнулась Анне:

– Ну, здравствуй, Аня. Я врачпсихиатр, зовут меня Елена Михайловна. Как чувствуешь себя?

– Никак. – Анна снова отвернулась к стене.

– Ну что ты как маленькая! Я тебя кусатьто не собираюсь.

– Не беспокойтесь о моем здоровье.

– О здоровье твоём другие уже побеспокоились, жить будешь. А я по твою душу.

– Не хочу я жить. И не буду, – упрямо пробубнила в стену Анна.

– Вот и расскажи, кто тебя обидел, чем обидел, а мы вместе посмотрим, хочешь ты жить или нет. Если убедишь меня, что тебе так уж плохо, сама окно открою.

Она резко развернулась лицом к Елене Михайловне:

– Вы врете!

– Нет, просто знаю, что никуда ты не прыгнешь, просто поймешь, что нет таких неприятностей, изза которых стоит расставаться с жизнью.

– Неправда! Вы ничего не знаете!

– Так расскажи. Кто тебя бросил? Любимый, жених?

– Откуда вы знаете, что бросил?

– Так ведь это только ты думаешь, что одна такая, а я на-смотрелась, поверь. Ну что еще в столь юном возрасте доро-же любви, девочка моя? И меня бросали, и многим, кто че-рез мое отделение проходит, изза этого жизнь не мила. Так кто там у тебя?

– Муж.

– Мууж?! Ну, это серьезно. А я подумала было, что ты совсем еще девочка! Такая молоденькая, двадцати не дашь!

– Мне уже двадцать пять.

Елена Михайловна рассмеялась:

– Конечно, уже. А мне сорок пять, только еще. Значит, муж тебя бросил? Да нас, женщин, столько обманывают и бросают, что, если мы все травиться будем, некому станет ро-жать. Другого найдешь, какие твои годы! Поправишься, по-ходишь по больнице, на дворе весна, глядишь – отсюда уже под ручку тебя какойнибудь кавалер уведет. У нас тут мужи-ки есть огого какие, не гляди, что в больничных пижамах! Мы их починим, подштопаем, витаминчиками поправим и – хоть от порога прямо в загс, сама тебя сосватаю. Твой узнает – галопом прибежит, ты у нас молодая, красивая, стройная. Да была б у меня твоя фигурка, я бы всех этих мужиков бог знает до чего довела!

– Меня с работы уволили.

– Ну, это вообще пустяки. Была бы шея, хомут всегда най-дется. Нашла о чем горевать! Работа! Завтра еще лучше най-дешь, в Москве живешь, здесь каждый день столько новых

фирм открывается! У тебя образование есть?

– Да, пединститут.

– Еще и высшее! По какой же работе ты так убиваешься?

– Вы не понимаете. Это для меня было все...

Семейная жизнь Анны стала разваливаться с самого начала на неравные части. Маленький кусочек счастья, а следом большая неприятность. Кусочки счастья становились все мельче и мельче, да и попадались они редко, словно случайные золотые самородки в пустой породе. Плохого же было столько, что Анна не успевала разгрести. А драгоценных слитков находила все меньше и меньше.

Ваня Панков с трудом, но поступил на дневное отделение скромного технического вуза. Анну, после долгих мытарств получившуютаки аттестат о среднем образовании, родители через год заставили подать документы в педагогический институт, на заочное. Мол, замужество замужеством, а диплом все равно иметь надо. Мать работала, отец беспробудно пил, Анна разрывалась между ребенком и учебой, муж старался найти любой предлог, чтобы улизнуть из дома, его нервировал детский плач. Жили молодые у Австрийских, в небольшой двухкомнатной квартирке, одну из комнат которой получили после свадьбы в полное свое распоряжение. Анна частенько даже не понимала, есть у нее муж или нет, он был неуловим, как Зорро, появлялся всегда неожиданно и заставлял ее врасплох то в грязном халате, то в бигудях, брезгливо

кривил рот и приглаживал красивые темные волосы, взглядом ища зеркало. Словно хотел сравнить себя с неопрятной и неухоженной женой.

Через два года «совместной» жизни они уже и дня не могли прожить без скандала, и Анне часто казалось, что муж только затем и приходит домой, чтобы кричать, раздражаться и все больше и больше ее ненавидеть. Они постоянно находились на грани развода, но еще пару лет прожили вместе просто по инерции. Иван ночевал дома все реже и реже.

Все изменилось после того, как Анна случайно встрети-лась с бывшими своими одноклассниками Андреем и Свет-ланой Юсуповыми, которые к тому времени уже являлись владельцами собственной фирмы. Андрей вырос в обеспе-ченной семье, его мать знала несколько иностранных языков и долгие годы работала переводчицей, отец занимал руко-водящие посты, пока перемены, произошедшие в стране, не оставили его не у дел. Тогда умная и шикарная госпожа Юс-упова бросила неперспективного мужа, вышла за скандина-ва и укатила на его историческую родину. Но родительских обязанностей не забывала, и после того, как единственный сын окончил институт и удачно женился, помогла ему начать свое дело.

Юсуповы открыли небольшое туристическое агентство под названием «Северное сияние». Мать Андрея жила за границей и помогала организовывать экскурсии в страны Скандинавии, она лично встречала группы туристов, а бо-

гатые родители Светланы ссужали молодую пару деньгами. Вскоре агентство стало процветать, появились деньги на развитие, перспектива открыть несколько филиалов и стать в итоге солидной фирмой.

Когда Анну окликнули из шикарной машины, она сначала даже не поняла, что перед ней бывшие одноклассники. После первых восторгов Анна невольно погрузилась, и у богатой пары возник неизбежный вопрос: а как там вы с Ваней? Анна не выдержала и поделилась своими проблемами. Юсуповы, конечно, посочувствовали и задумались над тем, как бедной подруге помочь. Рвется ведь изо всех сил и так настрадалась! У них родилась идея устроить Анну на работу в «Северное сияние». В качестве секретаря, разумеется, на первых порах.

И жизнь семьи Австрийских Панковых резко изменилась. К тому времени Александр Австрийский старший скончался, ведь сколько ни пей ее, заразу, конец всегда один. Похоронив старого художника и отслужив по нему все, что положено, мать Анны, ее молодой муж и маленький Сашенька активно потянулись к новой жизни. Туристическое агентство «Северное сияние» стремительно набирало обороты, а вместе с ним и зарплата Анны. В доме стало сытнее и спокойнее. Мать уже не считала в кошельке последние копейки, прикидывая, хватит или не хватит завтра на молоко для Сашеньки, она бросила низкооплачиваемую работу, а сынок стал получать ежемесячно очень дорогие игрушки, на завтрак йогур-

ты, на ужин фруктовый салат со взбитыми сливками. А Ваня Панков подумалподумал и купил себе машину. Не новую, конечно, и не иномарку, но на первых порах вполне приличную. Он к тому времени одолел институт, в котором (слава богу!) была военная кафедра, но с работой ему не везло. Панкова ценила только лучшая половина человечества, худшая же, к которой и принадлежало большинство работодателей, считала Ваню своим заклятым врагом. И глава семьи кочевал из одной фирмы в другую, оставляя за собой длинный шлейф заплаканных секретарш.

После того как Анна получила диплом о высшем образовании и новую должность с весьма солидным окладом, в доме полностью прекратились скандалы. Муж стал очень внимателен, приезжал за Анной на работу, встречал ее у дверей офиса красивый, благоухающий, нежный, одним словом, такой, что все проходившие мимо дамы только завистливо вздыхали. Иван Панков всегда умел влюблять в себя женщин. Оценив новое положение Анны, он быстро переключился на жену, и та вновь не устояла перед его обаянием. Простила все, потому что попрежнему его любила, стараясь не замечать его постоянного вранья, следы чужой губной помады на одежде, запах чужих духов и другие неприятные мелочи. И продолжала не замечать, лишь бы они с Ваней по выходным дням, счастливые, смеющиеся, подбросив сына одной из бабушек, катались по Москве на своих бежевых «Жигулях», покупали дорогие вещи в магазинах и ужинали

в рестораничках, где стоял пряный запах экзотических блюд. Последнее время Анна чувствовала себя удивительно счастливой...

...Она начинала в фирме простым секретарем: сидела целыми днями на телефонах, отвечая на бесконечные звонки, разговаривала с клиентами, отправляла и принимала бесчисленные факсы, то и дело бегала с документами от ксерокса в кабинет хозяина. Она прикладывала на ночь противовоспалительные компрессы к правой щеке, на которой частенько выступала гнойная сыпь от захватанных телефонных трубок, страшно уставала и нервничала. И жила лишь мыслью о том, что когданибудь все это будут делать за нее другие, а она ими руководить.

Тогда еще штат фирмы состоял из нескольких человек, все были знакомыми или знакомыми знакомых, этакий маленький мирок с безобидными сплетнями и дружескими подколками. Но прошло какое-то время, и из простого секретаря Анна выросла до заместителя руководителя. Потом ей взяли помощников: Юсуповы стали частенько выезжать за границу «дегустировать» новые курорты и отели, оставляя на нее дела. Так в стремительно расширяющуюся фирму пришли новые люди. Они уже были не своими, приходили с улицы, по объявлению, демонстрируя многочисленные дипломы и таланты. Они не имели обязательств и принципов, не признавали никаких авторитетов и понятий о дружеской солидарности, они хотели больше денег и больше прав. Каж-

дое слово Анны тут же перевернулось и до Юсуповых доходило уже совершенно искаженное.

Так Анна стала главным объектом самых отвратительных сплетен, которые имели все меньше и меньше общего с реальностью. Она не замечала этого, потому что слишком любила свою работу. Да, ее большая зарплата крайне нужна была семье, но для нее самой не деньги были главным. Анне просто нравилось общаться с людьми, делать так, чтобы отдых их не разочаровал, слушать приятные отзывы об агентстве, радоваться каждому удачному рабочему дню. И всех, кто ленился и дело свое не любил, Анна осуждала, а поскольку она не умела скрывать своих эмоций, у нее появились враги. За глаза ее стали называть слишком гордой, слишком резкой, появились версии о неких странностях ее дружбы с Юсуповыми и бог знает еще какая грязь. Наконец сколотилась целая коалиция, которая поставила себе цель избавиться от подруги хозяев, которые попрежнему часто отъезжали за границу, а лишние глаза тем, кто не хотел напрягаться на службе, были, естественно, не нужны.

Когда Анна вернулась из очередного отпуска, Андрей Юсупов вызвал ее к себе в кабинет и, не отрывая взгляда от полированной поверхности стола, заявил, что, подчиняясь требованиям коллектива, вынужден ее уволить.

– Я плохо работаю? – растерявшись, спросила Анна.

– Нет, не в этом дело.

– Тогда в чем?

– Понимаешь, у меня дилемма... – Он задержался, со вкусом перекатывая во рту красивое слово. Анна брезгливо отметила, что Юсупов толст и губы у него тоже толстые, влажные. – Дилемма: уволить тебя – или всех, кто не хочет с тобой работать.

– А кто не хочет?

– Ну, конкретно я не собираюсь никого называть. Многие.

– А почему не хотят?

– Видишь ли, говорят, что ты слишком высокомерна и будто бы однажды заявила, что мы, Юсуповы, твои близкие друзья и кого ты захочешь, того мы и уволим. И что вообще все будет так, как пожелаешь.

– Чушь какая! Ты в это веришь?

– Ну, знаешь, Аня... Я лично против тебя ничего не имею. Только это моя фирма, сама понимаешь. Ты вполне могла такое сказать. А сотрудники подумают, что я здесь не хозяин.

– Ты хотя бы знаешь, сколько я для твоей фирмы сделала?

– А вот этого не надо. Не надо на меня давить, Аня, я этого не люблю. Ты только наемный работник, хочу платить тебе зарплату – плачу, не хочу платить – никто и ничто меня не заставит это сделать. Ясно?

– Куда яснее. Когда же я уволена?

– Ну, раз отпускные ты уже получила, значит, мы в расчете. Завтра на работу можешь не приходиться.

– И куда мне теперь?

– Сообразишь. Хочешь – начинай все с нуля, приходи на

собеседование.

– К кому?

– На твое место мы сегодня когонибудь назначим. Вот к этому человеку и приходи.

– Вы же меня все равно не возьмете, и не потому, что я профнепригодна. Обязательно надо еще и унижать?

– А говоришь, что не гордая.

Она поднялась из черного кожаного кресла.

– Оправдываться – значит признать себя виноватой. А я не сделала ничего, за что должна сейчас руки тебе лизать и прощение вымаливать.

Он недобро прищурился:

– Всегда знал, что в тебе это есть. Никогда не прогнешься. Ничему, Аня, тебя жизнь не научила. Что ж, прощай. Трудовую у Светланы сегодня можешь получить. Сейчас. – Он демонстративно отвернулся к монитору. Анна поняла, что продолжать разговор бесполезно, и вышла из кабинета.

В соседней комнате ее неприязненно встретила Светлана.

– Я уже подготовила тебе трудовую. Забирай.

– А тыто на меня за что злишься?

– Хватит святошей прикидываться! Я думала, что ты мне подруга.

– А кто я тебе?

– Ты – шлюха! Еще в школе было понятно, что шлюха, когда ты забеременела от Ваньки Панкова.

– Значит, я одна в этом виновата? А он ни при чем?

– Я все знаю! К мужу моему подбиралась? А он тебя выпер, так и надо!

– Да кто тебе сказал такую глупость? Я замужем, у меня прекрасный муж, я его люблю.

– Тот он до сих пор без работы болтается, а тебе денежки нужны, чтобы этого бездельника содержать! Только здесь ты их не получишь. Даже не используя моего мужа. Можешь на панель пойти, у нас приличная фирма, здесь проституток не держат.

– Света, да ты что? Это же ерунда. Нет, это просто смешно...

– Ей смешно! Убирайся! – она швырнула Анне в лицо трудовую книжку.

– Света, послушай...

– Сейчас охрану вызову. Ты больше здесь не работаешь, уходи.

Анна вышла из ее кабинета. В коридоре вынуждена была опереться о стену и немного постоять. Ей было до того плохо, что она долго не могла сообразить, где дверь. Все плыло перед глазами. На улице Анне не стало легче. Она никак не могла понять, каким образом и за что можно так бесстыдно оболгать человека и этой сплетне все поверили. Просто кто-то комуто что-то сказал, и все, дело сделано. Клевета похожа на радиоактивное излучение – она убивает не сразу, зато наварняка.

С трудом Анна добралась до дома. Мама с Сашкой ушли в

магазин, муж валялся на диване и читал Ницше. Перед ним стояла ваза с фруктами, и между гениальными мыслями великого психоаналитика и психиатра Панков прицеливался то к румяному яблоку, то к сочной груше, закусывая вполне материальной мякотью плодов.

– Ты чего так рано? – не отрываясь от книги, спросил он.

– Меня с работы уволили!

– Что?! – Ницше упал с дивана на пол вместе с фруктами.

Иван сразу потерял аппетит...

...Анна вновь почувствовала боль, которую пыталась недавно вытравить димедролом, и со стоном отвернулась к стене. Елена Михайловна что-то записала в медицинской карте.

– Ладно, девочка, сегодня я тебя оставляю. Лежи, отдыхай. Окно только открывать погоди, там прохладно, дождик идет. Бабулек простудишь. Онито умирать не хотят. Весна наступила, да... Вот когда мы с тобой дойдем до конца, тогда и подумаем, стоит оно того или не стоит.

Она ушла, в дверь тут же сунулись любопытные бабки. Увидев, что Анна вновь лежит, отвернувшись к стене, пошумукали и пошли к своим кроватям.

– Дочка, ты бы поела чего, – сказала сухонькая.

– Спасибо, не хочу.

Они завздохали, заохали, достали свои узелки.

«Все жуют, жуют, жуют, – зло подумала Анна. – Целый

день ждут! Завтрак, обед, ужин, между ними чай пьют. Коровы хоть молоко дают, а эти...»

В палату заглянула Юля:

– Австрийская, там к тебе пришли. Выйдешь?

«Мать, конечно, – мгновенно съежилась Анна. – Сейчас устроит представление!»

– Не пойду. Сплю я, – она демонстративно закрыла глаза.

– Ну, как хочешь. Подумаешь, королева! – фыркнула медсестра и умчалась. Через несколько минут она брякнула на тумбочку сумку с едой и швырнула Анне на грудь записку. Анна записку читать не стала, покосилась на еду и почувствовала знакомую боль в желудке.

– В тумбочку уберите.

– У нас тут не королевский двор, слуг нет. – Юля все же убрала сумку, громко хлопнула дверцей тумбочки и убежала.

– О какая, о какая! – разволновались бабульки. – Ишь, бойкая!

– И уколыто как колет, все нахрапом, все с рывка! – вздохнула полная. – А ты, милая, пошла бы, повидалась с матерьюто. Мать – она плохого не скажет своему дитю. Пошла бы ты.

– Не могу. Потом.

– Пойдем хоть мы, Михаловна, – позвала сухонькая. – Волнуется небось.

И они засемили к дверям палаты.

«Как надоели эти старухи! Копошатся чего-то, шуршат целыми днями. На тот свет пора, а все им не так уколы делают! – опять разозлилась Анна. От слабости ей вновь захотелось спать. В животе было пусто, как в высохшем бурдюке. – Если не буду есть – точно умру. Просто засну от слабости и больше не проснусь. А хорошо вот так дремать и ничего не делать, ничего не желать. Хорошо...»

Анна так и лежала, закрыв глаза, когда в комнату возвратились бабульки. Они на цыпочках прошли к своим кроватям. Раздался скрип панцирных сеток.

– Спит, Михаловна?

– Пускай. Молодая еще. Мать ее жалко, извелась совсем.

– Тебе, Константиновна, пенсию за какой месяц принесли?

– А леший ее знает. Я ее вижу, пенсию? Сын давеча забрал.

– Да, маслицето опять подорожало, не укупишь.

– А я вот сала который уже месяц хочу. Купить бы его у нас на рыночке, беленькое, мяконькое. Бывает, само так и тает, так и тает во рту. И посолить его с чесночком. С чесночком да в банке. Сын у меня любитель, он же так посолит, так посолит!

– Нука, нука, я не слыхала про банкуто! Как солить, Константиновна?

– Так ведь и салато у нас с тобой нет, Михаловна.

– И денег нет. Ох, годы, годы. Кабы была я молодая...

– Вот радостьто! Помню – вбил мой дед в землю кол посреди деревни, у того кола и деток наделали.

– Да и то, Константиновна, грех жаловаться. Государство о нас заботится, пенсию опять же дает. Хлебушек, молочко – сытно и хорошо. Помирать только скоро, а не хочется...

– Ох, как не хочется! До солнышка дожили, а летом Бог помирать не велел. Протянем! У меня домик имеется, хоть и старенький, да ладненький. Вот мы с тобой полежим еще с месяцок и поедем в деревню.

– И то. Огородик засадим, петрушечку, морковку, проживем, Константиновна.

– Вдвоем какнибудь проживем...

Анна почувствовала, как по лицу текут слезы. Ей вдруг стало стыдно, очень стыдно за свою молодость и глупость. «Им легче, потому что они вместе, поддерживают друг друга, помогают. У меня ведь тоже была подруга...»

Да, у нее была подруга. Когда Юсуповы стали набирать новых сотрудников в помощь Анне, Ольга Калининская пришла в «Северное сияние» одной из первых. Анне она сразу понравилась: маленькая, в меру пухленькая, озорная и очень бойкая. Ольга была обаятельна, коммуникабельна, и клиенты ее любили. Так же как и Анна, Ольга Калининская была замужем, поэтому у них всегда находилась тема для разговора: дом, семья, проблемы семейного бюджета. Вскоре Анна и Ольга подружились. На праздники Ольга стала приглашать

ее вместе с мужем к себе домой, Анна закрывала глаза на частые Ольгины отлучки в рабочее время, у той были какие-то проблемы со здоровьем по женской части, и она без конца лечилась.

Подруги делились маленькими женскими секретами, обсуждали начальство, зарплату, новых людей, проблемы на работе. Анна впервые поняла, что значит довериться человеку, который искренне тебе сочувствует и понимает. Она любила Ольгу и всегда знала, куда может пойти, если будет очень плохо...

Именно Ольга позвонила Анне вечером того дня, когда Юсупов ее уволил.

– Ой, Анечка, ты еще не спишь? – Звонок раздался в половине двенадцатого.

– Нет, – тяжело вздохнула Анна.

– А что так? – В голосе подруги звучало искреннее участие.

– Ты знаешь, что сегодня случилось? Меня уволили.

– Я тебе потому и звоню. – Ольга слегка замялась. – Знаешь, мне предложили твое место.

– Да? – Анна слегка растерялась. – И что ты сказала?

– Ты же знаешь, у нас с Пашей долги... За квартиру надо платить, мы ведь снимаем... Мне деньги очень нужны!

– Что ты ему сказала?

– Ой, Анечка, я хотела сначала тебе позвонить, но Андрей даже подумать мне не дал.

– Вот как? И что?

– Ты прости... Я с сегодняшнего дня в твоей должности работаю.

– Поздравляю.

– Ты не сердишься? Разве у меня был выбор?

– А ты что, с голоду умираешь? Тебе ребенка нечем кормить или родители болеют? Насколько я знаю, детей у тебя нет, все родственники здоровы, неплохо зарабатывают. Откуда у тебя долги? Тряпок красивых опять накупила?

– Ой, Аня, я понимаю, тебе сейчас плохо...

– Нет, что ты! Мне очень даже хорошо!

– Ты что, хотела бы, чтобы меня тоже уволили?

– Ты можешь и другую работу найти, у тебя финансово-экономическое образование. Кстати... – До нее вдруг дошло! – Это не ты случайно пустила сплетню, что я пообещала уволить всех, кто мне не угодит, и будто я на фирме настоящая хозяйка?

– Что ты, что ты!

– И не ты ли первая сказала, что не хочешь со мной работать? Что ж, ради такой должности и зарплаты можно постараться.

– Ладно, Анечка, поздно уже. Ты успокойся и завтра мне позвони. Хорошо?

– Зачем?

– Ну, надеюсь, на наши отношения все это не повлияет? Мы ведь попрежнему подруги?

Анна молчала.

– Аня, ты позвонишь завтра? – Оленькин голосок сделался умоляющим, она всегда умела выпрашивать.

– Позвоню, – сказала Анна, чтобы отвязаться и прекратить разговор.

Положив трубку, грустно подумала: «Вот и подружки у меня нет. Что дальше?»

Утром следующего дня в их палату снова пришла Елена Михайловна.

– Говорят, ты не ешь ничего? Через катетер кормить будем! Юлю позвать?

Анна попыталась сесть. Желудок совсем отвык от еды, даже в животе не урчало.

– Не надо. Я сама.

– Вот и хорошо. Сейчас скажу, чтобы бульон принесли. Ну что, полегче сегодня?

– Да.

– В окно больше прыгать не хочешь?

Анна промолчала.

– Я тебе успокоительное назначила. Только сначала надо поесть, это обязательно. Совсем ты себя довела. Давай поешь как следует, а я к тебе через часок зайду.

– Зачем?

– Тебе молчать нельзя. Ты разговаривай, разговаривай, хоть сама с собой. Когда замолчишь – вот тогда дурные мыс-

ли сами в голову и полезут. Вспоминай, ругай его, только вслух, врагов своих ругай, бабулькам все расскажи, они любят послушать. А я к тебе еще зайду.

Елена Михайловна ушла, а через несколько минут недовольная Юля принесла тарелку бульона. По лицу медсестры было видно, как это ее раздражает.

– Я вас обидела? – не выдержала Анна.

– Тоже мне, королева! Ешь давай, ты у меня не одна. Старухи сами в столовую ходят, а тебе в палату бульончик носят! Ох уж мне эти царские особы! – И Юля отвернулась к окну.

– Я же больная.

– Это они больные, – медсестра кивнула на притихших старушек. – А у тебя просто блажь. Только от безделья можно такую глупость сделать: травиться.

– Откуда вы знаете?

– Да уж знаю! А ненормальная – так иди к психам, там самое твое место.

– Я не буду есть. – Анна резко отодвинула тарелку, бульон расплескался, попал на простыню.

– Стирать не тебе, можно и пошвыряться! Сейчас принесу катетер да позову Светлану Степановну, тогда узнаешь! Ешь давай! – прикрикнула Юля.

Ела Анна в полной тишине: вздыхали старушки, молчала Юля, комкая в руке какуюто записку, наконец ложка застучала о дно тарелки.

– Все, – с облегчением отодвинула ее Анна.

Юля так же молча взяла посуду и ушла. Минут через десять в палату заглянула Елена Михайловна:

– Ну, как? Поела? А чего опять хмурая? Что случилось?

Анна, обиженная, молчала, Елена Михайловна подвинула к кровати стул, села.

– Юля чтонибудь не то сказала? Да ты не обижайся. У нее ведь дочка больная. Совсем еще крохотная, а признали врожденный порок сердца. Операцию надо делать, а это всегда большой риск. У тебя то дети есть?

– Да. Сыну восемь лет.

– Когда ж ты успела?

– Замуж рано вышла.

– И как мальчик? Здоров?

– Да.

– Чего ж ты, милая, тогда дуришь? Сын у тебя есть, все с ним хорошо. Вот для кого жить надо, а ты все о мужике своем переживаешь.

– У меня дороже мужа никого не было. Если бы вы знали, что он мне напоследок наговорил!..

...Выслушав историю увольнения жены, Ваня тут же исчез из дома. Анна промучилась весь день, бесцельно шатаясь из комнаты в комнату. Больше всего на свете ей хотелось услышать хоть одно из тех ласковых слов, на которые Ваня был так щедр последнее время. Хоть одно.

Вернулся любимый муж только к двенадцати ночи, когда

Анна лежала вся в слезах после Ольгиного звонка. Она смотрела, как Ваня разбрасывает по стульям одежду, швыряет на пол грязные носки, идет к кровати, и все ждала...

Когда муж отвернулся к стене, она не выдержала и тронула его за плечо:

– Ваня.

– Я спать хочу, – пробормотал он, так и не повернувшись.

Ночью Анна не спала. Встала, долго сидела на кухне, бессмысленно глядя в окно. Огромный город светился разноцветными огнями. Столько окон, и за каждым из них люди! А она так одинока!

Утром Анна встала пораньше, отправила ребенка в школу, а мать по магазинам. Она еще надеялась дождаться от Вани ласковых слов, а потом заняться с ним любовью. Вновь почувствовать себя неодинокой и комуто нужной. Наконец в половине десятого любимый муж соизволил проснуться.

– Ваня, ты почему так поздно вчера пришел?

– Тебето что?

Она уже отвыкла от такого тона, сухого и безразличного.

– Я тебя ждала! Мне Ольга вечером позвонила. Представляешь, ей предложили мою должность, и она согласилась!

– Молодец!

– Разве это честно?

– Это очень умно. А такие честные, как ты, в итоге оказываются на улице. Тебе давно надо было сообразить, что под тебя копают.

– А почему ты таким тоном со мной говоришь? Что я тебе сделала?

– Да все, что могла, ты давно уже сделала! Женила меня на себе, ребенка своего навязала!

– А ты ни при чем?

– Конечно! Случайно ведь получилось. Не дурак же я, чтобы жениться в семнадцать лет! И семью себе на шею повесить!

– Да это я вас всех себе на шею повесила, я! На какие деньги ты машину купил? Тряпки эти купил на что?! – Анна пихнула ногой стул, тот с грохотом упал, подхватила дорожную джинсовую рубашку, сунула мужу в лицо.

– За удовольствие надо платить, – нагло сказал Панков.

– Это за какое такое удовольствие?

– За то, что я с тобой восемь лет прожил, дурак!

– Да сколько из этих восьми лет ты дома не появлялся?

– Штамп в паспорте хотела? Ты его получила. Даже фамилию мою не стала брать, а чем плохая фамилия? Как же, мы ж Австрийские! Даже сын носит не мою фамилию! Я Панков, он – Австрийский. Я это восемь лет терпел, но теперь хватит. Раз ты на нормальной работе удержаться не можешь, значит, ты дура, а я с душой жить не намерен.

– Что, умную теперь найдешь?

– Нашел уже, не переживай. Машину я себе забираю.

– Она же на мои деньги куплена!

– А я на квартиру за это не буду претендовать, не забы-

вай, что я здесь прописан. Устроим с тобой раздел имущества почестному и без всяких судов.

– Ты это серьезно?

– Вполне. – Панков достал изпод кровати чемодан и полез в шкаф за вещами. Анна испугалась:

– Ваня, ну как же так? Все наладится, я найду другую работу.

– Сомневаюсь.

– А как же наша любовь?

– Какая еще любовь?

– Я тебя люблю.

– Ну, точно дура. – Панков засунул в чемодан свои тряпки, выскочив в прихожую, схватил с вешалки пальто, торопливо надел, смахнул с полки прямо в карман какуюто мужскую парфюмерию и открыл дверь.

– Все, пишите письма. Да, чуть не забыл, – и уже через порог швырнул под ноги Анне ключи от квартиры.

– Ваня! Подожди! Ваня! – Она побежала за ним. Панков нажал кнопку лифта и с нетерпением ждал, когда откроется дверь. На жену посмотрел брезгливо и бросил через плечо:

– Истерик не устраивай, смешно.

Анна замолчала, снова почувствовав ком в горле, а потом не выдержала и заревела.

– Ну, не плачь, девочка. Не плачь, – вздохнула Елена Михайловна. – Это бывает. Иногда кажется, что жизнь кончи-

лась и ничего хорошего в ней уже не будет. Через несколько лет ты сама станешь над этим смеяться.

– Я никогда уже не буду смеяться.

– Будешь. И еще как!

– У меня ничего не осталось.

– Милая, да ты даже не представляешь, как тебе повезло!

Избавилась от дрянного мужика! Поправишься, похорошеешь – все забудешь.

– Нет. Этого я не забуду никогда.

... Через час после ухода Елены Михайловны в палату снова заглянула Юля:

– Австрийская, к тебе опять пришли. Что, не пойдешь?

– Пойду. – Анна встала, набросила на плечи теплую кофту.

У двери в отделение мать беседовала с медсестрой, держа за руку восьмилетнего Сашку. Увидев Анну, заревела в голос:

– Анята, ну зачем?! Зачем?! Напугала нас с Сашенькой!

Она подошла к сыну, обняла его, прижала к себе.

– Кто меня нашел? – спросила у матери.

– Сашенька. Их пораньше отпустили, каникулы ведь начались. Он сразу в «Скорую» позвонил, молодец, что сообщил. Ято на рынок поехала. На оптовый. А ты придумала тоже! Напугала ребенка! Знаешь, что с ним было? Вот, идем из детского реабилитационного центра, шок с ним, говорят, случился. Это когда тебя уже в больницу увезли.

– Извини, – обронила Анна. – Записку нашли?

– Какую записку? Саша, ты не брал записку?

Мальчик молча уставился в пол.

– Ладно, бог с ней, наверное, врачи забрали, – отмахнулась Анна.

– Как ты? – спросила мать.

– Нормально. Скоро выпишусь.

– Аня, ты смотри...

– Ладно, все уже прошло. Не реви.

Они помолчали: мать хлюпала носом, Сашка испуганно жался к Анне, боясь, что мама опять куданибудь исчезнет, она же замерзала.

– Холодно здесь. Что там на улице?

– Дождь. Солнышко было, а теперь все дождь и дождь.

– Вы идите. Я скоро домой вернусь, не люблю больницы.

Идите, мама. Холодно.

Мальчик все никак не хотел оторваться от матери. Бабушка потянула его за руку:

– Ну, чего ты? Чего? Пойдем уже, Сашенька.

– Я скоро буду дома, мама, – повторила Анна и пошла в палату.

Через пару дней врачи признали, что она абсолютно здорова, и выписали ее из больницы. Анна засунула в пакет зубную щетку, мыло, расческу, отдала старушкам оставшиеся конфеты и печенье, обняла каждую на прощание. Те просле-

зились, и Анна даже расцеловала их с чувством в морщинистые щеки.

– Храни тебя Господь, дочка, – услышала она, закрывая за собой дверь.

Глава 2

В поисках

Первым делом Анна огляделась: дома ничего не изменилось. Мебель на своих местах, сын за письменным столом делает уроки, мама суетится на кухне. Только черноволосый красавец Ваня больше не лежит с книжкой на диване в их маленькой спальне. И Анне сразу сделалось тоскливо. Нет, не прошла любовь. И боль не прошла. Интересно, подал он уже на развод или нет? Вдруг она вспомнила:

– Мама, у нас деньги есть?

– Немного есть, дочка. Ты когда работатьто пойдешь?

– Не знаю, мама, не знаю. – Мать только тяжело вздохнула, но промолчала.

Так прошло несколько дней, Анна все не могла найти себе места, бессмысленно шатаясь из комнаты в комнату. Наконец мать не выдержала:

– В церковь, что ли, сходи, Аня.

– Зачем?

– Может, легче станет.

Анна попрежнему пребывала в глубокой депрессии и даже думать не могла о работе. В церковь так в церковь.

...Уже был полдень, служба давно закончилась, немногочисленные прихожане крестились у икон, зажигали тонкие

восковые свечи и ставили их перед ликами святых. «Вот где убогието и несчастные», – подумала Анна, глядя на девушку в черном платке, истово приложившуюся несколько раз к ногам Спасителя. Потом девушка что-то быстро-быстро зашептала, будто торопилась со своей просьбой, боясь не успеть. Потом заплакала.

Анна тоже попробовала заплакать, но слезы не шли.

«Нет, мне не подходят твои заповеди: прощайте врагов своих, подставляйте другую щеку, возлюбите, смиритесь... Ну уж нет! Все равно тебя не существует, потому что нет справедливости. Почему ты не накажешь злых, не вознаградишь добрых? Что ято тебе сделала? Что нарушила? Кому пожелала зла? Мужа любила, не изменяла, терпела много лет то, что изменяли мне, работала как вол, тянула на себе всю семью. Так за что? Мои враги сейчас торжествуют, им хорошо, а мне жить больше не хочется. Даже если ты вдруг есть, то будешь сам по себе, а я сама по себе, мы пойдем разными путями и посмотрим, кто лучше исполнит свой долг. И я не смирюсь, дождусь, когда им тоже станет плохо. Так же, как мне сейчас».

Она подошла к киоску, где женщина средних лет в черном платке продавала небольшие иконки, освященные крестики и свечи. Анна протянула ей деньги:

– Дайте мне четыре свечи.

– Какие?

– Самые дорогие.

Денег у Анны было немного, но она выгребла все, заплатив за свечи, и вернулась к иконам. Две старушки в черных платках поставили по тонкой свечке, потом закрестились истово и стали вытирать слезы.

– Сюда, что ли, за упокой ставить, бабушка? – спросила Анна у одной из них. Та всхлипнула, кивнула, потом спросила:

– Помер, что ли, кто, дочка?

– Да. – Анна зажгла свечи и поставила.

– А ты пойдя да записочку оставь, чтобы батюшка помянул завтра за упокой, – участливо посоветовала другая.

– Где?

– А где свечи покупала. Пойди, скажи имя, батюшка завтра и помянет.

Анна вернулась в закуток, подошла к окошку.

– За упокой можно помянуть?

– Кого, детка?

– Вам что, имена, фамилии нужны?

– Да имя только. Говори, какого раба или рабу Божию помянуть?

– Пишите: помянуть за упокой раба Божьего Ивана, раба Божьего Андрея, рабу Божию Светлану и рабу Божию Ольгу.

– Аминь. – Тетенька перекрестилась и записала имена. Анна вздохнула, почувствовав, что немного отпустило.

...На улице ее ослепило солнце, купола церкви торжественно сияли, прохожие улыбались своим счастливым мыс-

лям. В Москву пришла самая настоящая весна.

Войдя в квартиру, Анна ощутила: пахнет печеными пирожками. Мать выглянула из кухни:

– Ну что, дочка, полегче?

– Сама не знаю.

– Аня, в нашем доме открылось кадровое агентство, я вывеску видела. Ты бы зашла, узнала, как и что.

– Ладно, мама, завтра зайду.

Мать вздохнула и нагнулась к духовке вынимать готовые пирожки. В семье уже перешли на режим жесткой экономии.

На следующий день Анна зашла в соседний подъезд, где горой навалены были доски, стояли ведра с остатками побелки, валялась чьято заляпанная спецовка, пахло масляной краской и цементом. Стараясь не испачкаться, Анна поднялась по ступенькам. На одной из новеньких дверей висела бумажка: «Кадровое агентство «У Раисы Михайловны». Наши вакансии». Далее девять строчек мелким шрифтом.

Она вошла в крохотную приемную, увидела милостивую девушку за компьютером, скромное кресло для посетителей, в котором сидел подвыпивший мужичонка и рассказывал о своих мытарствах.

– ...ну, вот, значит, теперь я к вам.

– Что вы хотели? – Девушка обратила на Анну усталый взгляд.

– Мне нужна работа, – эти слова Анна выдавила с трудом, борясь с чувством стыда за то, что сюда пришла.

– Подождите немного, я сейчас закончу.

Девушка дала мужчине анкету и отправила его в соседнюю комнату заполнять, потом пригласила Анну:

– Пожалуйста, присаживайтесь. Наши условия: за услуги мы берем пять рублей и обязуемся информировать вас об имеющихся у нас вакансиях, а также возьмем половину вашей первой заработной платы и вместе с этим даем гарантии снова искать для вас работу, если вы вдруг ее потеряете. – Выдав эту длинную фразу на одном дыхании, девушка сделала паузу. Потом набрала в грудь побольше воздуха и затараторила: – Если вас это устраивает...

– Меня устраивает, – прервала ее Анна, решив убраться отсюда как можно скорее.

– Тогда заполните анкету, пожалуйста; когда освободится менеджер, к которому мы вас прикрепим, пройдете к нему в кабинет.

Анна взяла анкету, где половина букв была плохо пропечатана, и прошла в соседнюю комнату. Пункты а), б) и с) не создали проблем в заполнении: стандартные вопросы об образовании, последнем месте работы, зарплате. Быстренько все заполнив, уже в самом конце анкеты Анна наткнулась на пункт: «Какие недостатки, по вашему мнению, мешают вам в работе?» Усмехнувшись, написала: «трудолюбие и честность». Вернувшись в приемную, протянула анкету девушке.

– Нетнет, это возьмите с собой и пройдите в соседний ка-

бинет. К менеджеру, – сказала та.

Разговор с менеджером не прибавил Анне оптимизма. Она заплатила деньги и вышла, поняв, что на это кадровое агентство рассчитывать не приходится.

«На чем только люди не пытаются нажиться! Оказывается, проще всего воспользоваться чужим несчастьем. Таким, например, как потеря работы. Как назло, в каждом из нас живет это проклятое «а вдруг?», надежда на чудо. Ведь ежу понятно, что, взяв мои деньги, они в течение ближайшей недели предложат дветри вакансии, которые меня не устроят, и дело с концом. А через пару месяцев на этом месте будет, допустим, салон обуви или контора «Рога и копыта», что наиболее вероятно». Тут Анна заметила, как рядом с ней остановилась машина, дорогая сияющая иномарка. Из нее вышла молодая хорошо одетая женщина, отбросила с лица волосы и вызывающе хлопнула дверцей. Потом достала мобильный телефон и деловито начала нажимать на кнопки.

«У этой все есть. И она даже не догадывается, как непрочно ее счастье. Ей кажется, что оно будет длиться вечно. Ведь я тоже так думала! А что теперь?»

Анна, не оглядываясь, прошла мимо. «Нет, я никогда не стану *такой*, – пообещала она себе, потуже затягивая пояс на демисезонном пальто. – Теперь я всегда буду подстраховываться».

Ветер дул холодный, пронизывающий. Вновь резко похолодало. Апрель в этом году не баловал теплом.

Прошло некоторое время. Мать молчала, Анна все так же сидела целыми днями в своей комнате и думала об обрушившихся на нее несчастьях. Наконец появились первые признаки недовольства сложившейся ситуацией. Мать, чистя на ужин мелкую картошку, вдруг стала, ни к кому конкретно не обращаясь, говорить о том, что скоро опять повысится квартплата, что подорожал стиральный порошок, в доме кончилось подсолнечное масло, да и деньги тоже заканчиваются и ей, видимо, придется снова выйти на работу в библиотеку. А зарплата там не бог весть какая.

Анна не выдержала:

– Хорошо, чего ты от меня хочешь?

– Да что ты, Аня, это я так.

– Ничего у тебя не бывает так! Что тебе нужно? Денег?

– А на что жить, Аня? Как раньше, на мою зарплату?

– Жили же на нее до того, как я пошла работать в агентство. А потом привыкли вкусно есть, не думать о деньгах, экономить разучились. На сколько тебе раньше хватило бы моей месячной зарплаты? На полгода?

– Сашеньке нужно...

– Переживет. Некоторые дети конфеты только по праздникам едят. Я много в детстве шоколадок ела? Ананасы были у нас в доме? Нет, ты скажи! А он каждый день привык есть «Марсы» да «Сникерсы». Вредно это, между прочим.

– Это же твой сын!

– Да, мой. Пусть знает, что жизнь не всегда сахар. Бывает и соленой. От слез. Пусть ест, что другие едят, и то же носит.

– Значит, это я виновата? Приучила его, да? А муж твой, Ванечка преподобный, ни в чем не виноват?

– Замолчи! – Анна выбежала из квартиры, громко хлопнув дверью.

«Все от меня чего-то надо! А мне с кого спросить? Надо бы поехать, подзарядиться. На бывшей работе не была с того самого черного понедельника. Пора».

Анна и не ожидала, что так неприятно будет увидеть на своем рабочем месте Ольгу Калининскую. Думала, что уже прошло. Увидев бывшую подругу, та слегка смутилась, но быстренько оправилась и начала привычно сыпать комплиментами:

– Ой, Аня, хорошо выглядишь! Как дела? Какая миленькая и как похудела! – Сама Ольга никак не могла избавиться от лишнего веса. – Слушай, у тебя диета какая-то специальная?

– Да, она самая.

– Какая-нибудь крутая?

– Бедность.

– Да ладно, Аня, прибедняться!

– Не тебя же с работы уволили. Тебе на тряпки из бутика не хватает, а мне – на хлеб. Хочешь взглянуть на мой пустой холодильник?

– Может, тебе на «Сникерс» дать? – Ольгина улыбка давно

уже перестала быть приветливой.

– Давай. – Аня протянула руку и стояла так, пока Оля не полезла за кошельком. Она вынула купюру, потом еще одну.

– Возьми сразу на два.

– Спасибо, будет на что завтра сыну молока купить.

– Еще и на шоколадку дать? – разозлилась Ольга.

– Нет, я завтра снова приеду. Можно?

– Не лучше ли вместо того, чтобы на дорогу тратиться, на эти деньги молока купить?

– Да кто тебе сказал, что я трачусь? Я на попутках езжу, милая: тормозну машину и поплачусь, мол, денег нет, с работы уволили, муж бросил, подвезите Христа ради. Ничего, добрые дядечки попадают. Значит, мне каждый день можно приезжать? Я не гордая теперь, на милостыню грех обижаться.

Ольга не нашлась что сказать. Анна заметила, что двое сотрудников заняты очередными клиентами, и вдруг пришла в центр зала. Сказала громко:

– Почтенная публика, минутку внимания! Вы деньги свои сюда принесли? Не спешите.

На нее удивленно обернулась пожилая пара, хорошо одетая женщина тоже прервала разговор с менеджером.

– Тут жулье работает, – заявила Анна. – Сволочи. Они вас обманывают, господа. Вы сейчас все подпишете, денежки отдадите, а в Финляндии вас никто не встретит. А конторы этой завтра вообще здесь не будет.

Ольга кудато выбежала, клиенты заерзали в черных кожаных креслах. Анна же продолжала:

– В Лапландию хотите? Напрасно, господа! Там холодно. Даже летом. Отели дрянные, вода горячая раз в сутки по капле в час, кормят какойто отравой. На меня посмотрите, видите, какая я бледная и худая! Только что оттуда. Едва дышу. Бегите отсюда, господа!

Господа еще больше занервничали, но в зал уже вбегал Андрей Юсупов, застегивая дорогой пиджак и поправляя галстук.

– Господа, эта женщина сбежала из психиатрической клиники! Прошу вас, не обращайтесь внимания, ее сейчас выведут! Охрана!

Он повернулся к Анне:

– Ты что себе позволяешь?

– А я теперь не твоя подчиненная, у нас, между прочим, демократия и свобода слова. Господа! Он все врет! Я жена преуспевающего бизнесмена! Меня здесь обманули!

Пожилая пара встала и направилась к выходу, дама тоже раздумывала. Андрей позеленел, Анна рассмеялась, но к ней уже бросились оба охранника и попытались вывести из офиса.

– Не пускайте больше никогда эту женщину! – крикнул вслед Юсупов.

– Это только цветочки, Андрюша! Так, невинная шутка, – огрызнулась Анна у самых дверей. – Вспомнишь ты меня

еще!

На улице она пожалела о своей детской выходке. Ну, и чего добились? Завтра в «Северное сияние» придут другие клиенты, а ее, Анну, больше не пустят на порог. Никогда. Этот путь она себе раз и навсегда отрезала.

Вечером в квартире раздался звонок.

– Анна Александровна?

– Да, а в чем дело?

– Вас из кадрового агентства беспокоят. Извините, что поздно. Не хотите завтра на собеседование съездить?

– Куда?

– Адрес я продиктую. На мебельном комбинате требуется секретарь-делопроизводитель, вы ведь когда-то курсы заканчивали?

Анна напрягла память. Когда заканчивала? В школе еще, что ли, когда производственную практику проходила? Кажется, есть какая-то бумажка.

– Да, заканчивала, но с работой делопроизводителя знакома только теоретически, я работала в туристическом бизнесе, я же заполняла вашу анкету.

– Да вы поезжайте, может, это вам подойдет.

– Хорошо, диктуйте адрес.

«По крайней мере, мама немного успокоится, да и дома весь день не придется сидеть», – решила Анна.

Утром она надела строгий костюм, белую блузку, подкрасила губы светлой помадой. Ехать пришлось далеко: комби-

нат находился у черта на куличках. В электричке было холодно, да и на улице еще не слишком тепло. Когда Анна добралась до окраины столицы, она успела и устать, и замерзнуть. Автобусы ходили редко, от обуви на высоком каблуке начали болеть ноги. Мебельный комбинат удалось найти с огромным трудом, никто из прохожих толком не мог объяснить, как к нему пройти. К тому же на проходной долго выясняли, зачем Анна вообще сюда приехала. Наконец после долгих объяснений ей удалось добраться до отдела кадров.

Там сидели три толстые тетki и стучали по клавиатуре. Она осмотрела Анну с ног до головы, не переставая при этом печатать. Наконец одна спросила:

– Что вы хотели?

– Я насчет вакансии секретаряделопроизводителя. Вы подавали заявку в кадровое агентство?

– Заявку? Ах да. У нас постоянно ктонибудь из секретарей исчезает, мы на всякий случай не прекращаем набор.

– Что ж, и так бывает. Так куда можно пройти?

Тетка еще раз с усмешкой оглядела Анну и назвала этаж и кабинет. Анне вдруг захотелось исчезнуть, как и всем прочим здешним секретарям.

В кабинете, куда ее направили, сидел недовольный жизнью худой господин и лениво перебирал бумаги.

– Можно? – Анна уже стояла на пороге. Насколько она была в курсе, в учреждениях люди занимаются делом и в двери стучать не обязательно. Худой господин ее мнения явно не

разделял, он поморщился и сказал:

– Стучаться надо, девушка, не у себя дома.

Анне сразу расхотелось у него работать, но она стиснула зубы и вежливо сказала:

– Меня прислали из кадрового агентства на свободную вакансию секретаря.

– Какое еще агентство?

– «У Раисы Михайловны».

– Ах, эти... Вечно чего-то мудрят, девчонок какихто присылают.

– Так вам нужен секретарь или нет? – Анна чувствовала, как растет ее раздражение.

– Кто его знает. Вас, женщин, разве поймешь? Что ж, условия такие: работа с восьми до шести, в субботу скользящий график, отпуск через год. Зарплата – три тысячи.

– Чего?

– Рублей, естественно, девушка. Вы в какой стране живете? У нас Россия, не Америка какаянибудь. Давайте я запишу ваш телефон, если понадобится – позвоню.

– А если не понадобится?

– Девушка, я тут работаю, между прочим, у меня времени на всех вас нет, – и господин демонстративно уткнулся носом в свои бумаги.

На улице Анне стало весело, и она рассмеялась бы, если бы так не болели ноги. А до автобусной остановки еще идти и идти!

«Каждый день мотаться сюда черт знает откуда, тратить деньги на проездной билет, на обед в столовой и получать в итоге зарплату, которой хватит только на билет и на обед, ну еще на хлеб с молоком для мамы и Сашки. Что это? Насмешка? В субботу скользящий график. А когда жить? И с кем? С этим недовольным господином, что ли?»

Мать встретила ее осторожным вопросом:

– Ну, как?

– Мне это не подходит. – Анна больше ничего не сказала и прошла на кухню. Вечером опять позвонили из агентства.

– Вы ездили, Анна Александровна?

– Да.

– И какой результат?

– Они сами не знают, нужен им секретарь или нет, – огрызнулась Анна.

Девушка на том конце провода настойчиво защебетала:

– Знаете, тут есть одно место, как раз для вас, в области туризма. Вы не хотите завтра снова поехать на собеседование?

– Опять к черту на кулички?

– Нетнет, это в центре Москвы, метро «Сокольники».

– Ладно, допустим, что это центр. Диктуйте.

Записав адрес, Анна подошла к зеркалу. И пришла в ужас от того, что увидела. Худое бледное лицо, взгляд загнанной лошади. Все понятно.

«Нет, так мы больше выглядеть не будем. Загнанная кля-

ча – сразу ясно, чего тебе нужно. Милостыни. Или пристрелить. Хватит. Совсем себя довела!» И она кинулась к шкафу, стала швырять на пол свитера, платья, строгие костюмы, пока не нашла короткую черную юбку и облегающую трикотажную блузку с глубоким декольте. Блузка была яркая, золотистая цвета. Приложив ее к себе, она закусила губу: нет, чего-то не хватает. Кинулась к тумбочке, нашла французскую краску для волос, которую когда-то рискнула купить, но так и не осмелилась ею воспользоваться из боязни испортить волосы.

«Хуже, чем сейчас, мне уже все равно не будет», – и Анна взяла тубик, инструкцию по применению и решительно направилась в ванную. Через час, просушив волосы феном, снова подошла к зеркалу и примерила блузку. Вот теперь все было в полном порядке. Ее необыкновенные глаза засветились, словно яркие звезды. Анна улыбнулась своему отражению в зеркале:

«Такой женщине, во первых, трудно нахамить, а во вторых, невозможно отказать. И грошовую зарплату никто не предложит – минимальная ставка налицо: сто баксов за ночь. В худшем случае вежливо извинятся и проводят до дверей. И тоже вежливо, между прочим, потому что я красивая женщина. А в лучшем... Ну, для лучшего я, помоему, уже достаточно созрела. Двадцать пять лет – и только один мужчина, собственный муж. Ну не дура ли?»

Анна наложила на лицо крем, чтобы избавиться от тем-

ных кругов под глазами, приняла успокоительное от Елены Михайловны и легла спать.

Когда утром она при полном параде и макияже появилась в прихожей, мать испуганно схватилась рукой за сердце.

– Ты куда?

– На работу устраиваться. – Она уже надевала пальто.

– На какую работу? Аня, на себя посмотри, что ты со своими волосами сделала?! Рыжая же совсем! Ну куда ты такая устроишься?

– Сейчас только такие и устраиваются, мама. Тебе не все равно, откуда деньги возьмутся? Не хочешь жить на свою нищую зарплату? Тогда помолчи. И рано меня не ждите.

Она громко хлопнула дверью и прислушалась: в прихожей рыдала мать.

Район возле метро «Сокольники» Анна знала плохо. Ей долго пришлось идти вдоль какого-то забора, расспрашивать прохожих и нервничать, пока не нашелся человек, способный внятно объяснить, как пройти куда ей надо. Анна нырнула под круглую арку и увидела напротив громоздкую металлическую дверь под козырьком. Над дверью висел колокольчик. Да что там колокольчик! Целый колокол!

Анна подошла к двери и нажала кнопку переговорного устройства. Потом поежилась: ледяная вода с козырька капнула прямо ей за шиворот. Выяснив в подробностях, кто пришел и зачем, охранник по ту сторону двери впустил ее.

Анна прошла в помещение под колокольный звон, тут показавшийся ей похоронным. И сразу же отметила, что это не «Северное сияние», все выглядит гораздо скромнее. И обороты наверняка меньше.

В холле сидела секретарша. Она, грустно улыбнувшись, предложила Анне раздеться и протянула анкету с просьбой ее заполнить. Анна вздохнула и сразу глянула в конец. «Какое из качеств, по вашему мнению, мешает вам в работе?» Она не стала говорить девушке, что уже заполняла такую анкету. В конце концов, это не имеет никакого значения. Нужен только предлог. Что ж, пусть для начала работодатель заглянет в анкету.

Она надеялась, что мужчина, у которого ей предстоит «работать», окажется не слишком старым и не слишком уродливым. Хотя рассчитывать на молодого красивого bruneta, похожего на Панкова, не приходилось. Такие делают карьеру не в офисах, а в постели. А в офисах...

Ее размышления прервала секретарша. Из кабинета директора вышел очередной претендент на должность, и пригласили следующего:

– Проходите.

Анна вздохнула и направилась к гостеприимно распахнутой двери. Он стоял на пороге своего кабинета и удивленно смотрел на молодую женщину в короткой юбке и яркой облегающей блузке с глубоким декольте. Нет, не очень старый. Но увы, слишком непривлекательный. Маленького ро-

ста, полнеющий, лысоватый, в очках с толстыми стеклами и вообще мерзкий, как показалось Анне. Но разве ей придется выбирать?

Зато рядом с ним она чувствовала себя самой настоящей королевой.

Внимательно оглядев Анну с ног до головы, мужчина втянул живот и представился:

– Меня зовут Евгений Михайлович Селин, я директор этого агентства. Присаживайтесь. – Анна поудобнее устроилась в кресле, не стесняясь того, что короткая юбка еще больше подтянулась кверху. Директор же, покосившись на ее длинные стройные ноги, продолжил:

– Вы, как указано в анкете, менеджер по туризму, Анна... – тут он замялся.

– Австрийская, – отчетливо сказала она, – Анна Александровна.

– Странно, весьма странно. Родители ваши люди весьма интересные. Кто ж это придумал дать вам такое имя?

– Папа. Он умер, – спокойно сказала Анна. – Но мы не о родителях с вами хотим поговорить, не так ли? Вас интересуют основные вехи моей биографии?

– Да нет. Не очень. Вообще я несколько удивлен: в вашем кадровом агентстве что-то напутали, я же ясно сказал, что мне нужен менеджер-мужчина. А они присылают сюда очаровательную девушку. – Он наконец-то дал понять, что как женщина Анна его очень даже интересует.

– А почему женщина не может справиться с этой работой? – Анна улыбкой тоже дала понять, что нисколько не против его заигрывания.

– Это работа с персоналом, серьезная, тяжелая, иногда выездная, включающая в себя различные командировки, поездки. Полный трудовой день, иногда работа в выходные. И подчеркиваю: очень большая нагрузка. А у вас, как написано в анкете, ребенок. А дети часто болеют.

– С ним моя мама может посидеть.

– Все равно, ребенок есть ребенок. Вы сейчас так говорите, а потом выяснится, что одно не можете, другое не в состоянии сделать. Нет, мне нужен мужчина.

– И вас не интересует, что я умею, какой работой раньше занималась? – Анна слегка разозлилась. Она бы справилась со всем, что он перечислил. Даже расхотелось с ним заигрывать. – Кстати, какая у вас полагается зарплата менеджерам?

– Триста пятьдесят долларов на испытательный срок, потом будет зависеть от вас. Но я все равно не могу вас взять, хотя и рад бы помочь. У вас финансовые затруднения?

– Да, муж сбежал. – «Не жаловаться же ему на бывших хозяев!» – Но это к делу не относится, это я так... Что ж, извините, Евгений Михайлович. До свидания.

– Всего хорошего. – Анна поднялась и уже пошла к дверям, когда Селин ее окликнул:

– Постойте, Анна!

Она обернулась.

– У меня найдется для вас другая работа. – Он замаялся. – Если, конечно, она вам подойдет. Вы сядьте.

– Какая? – Пока Анна шла обратно к креслу, Селин еще раз внимательно осмотрел ее фигуру с ног до головы.

– Хотите ко мне личным секретарем?

– Что будет входить в мои обязанности?

– Ну, встречать посетителей, подавать кофе, сопровождать меня в разного рода поездках, отвечать на телефонные звонки... – Он опять стал подбирать слова. Анна решила не тянуть:

– Постельные услуги входят в прейскурант?

– Вы прямая девушка. Хотите так сразу?

– А как? Простите, иначе я не умею. Раз вы хотите меня нанять, я сразу должна выяснить, сколько за это буду получать?

– Секретарская зарплата триста долларов...

Анна рассмеялась:

– Это смотря какой секретарь! До шестисот – те, с кем работают, а те, с кем еще и спят, – от восьмисот. Ведь это же целый месяц постельных услуг! Как имеющая не очень высокую квалификацию в этом деле, я согласна пока на минимум.

– Ах, Аня, если бы вы были не так привлекательны...

– То что?

– С вами трудно. Я, честное слово, теряюсь, уж очень вы прямолинейны. Но такая броская внешность!

– Клянусь, если вы будете мне хорошо платить, я обязуюсь преимущественно молчать.

Он вздохнул:

– Что ж, придется согласиться. Вы мне понравились, такие эффектные женщины редко заходят в мой скромный кабинет.

– Когда выходить на работу?

– Сейчас. Оставайтесь, располагайтесь, а вечером мы с вами поедем куданибудь поужинать.

– Евгений Михайлович, а вы женаты?

– Естественно, Анюта, естественно. Мы с тобой сегодня придумаем какоенибудь совещание.

И Евгений Михайлович расслабился и перевел дух. Анна, усмехнувшись, поправила прическу: для начала все не так уж плохо, надо только постараться себя сдерживать, и когда дело дойдет до постели, не рассказывать ему душеспиритильную историю о любимом муже, который был в ее жизни единственным и неповторимым...

...Селин оказался стандартен, как ботинки сорок третьего размера. То есть поступал как большинство мужчин на этом свете и не пытался изобрести велосипед: ужин в недорогом, но приличном ресторане, шампанское, цветы, ключи от квартиры уехавшего в командировку друга, джентльменский набор дежурных ласк. Но в постели он был Анне противен, потому что все делал не так. Вернее, не так, как она привыкла. Прежний ее партнер по сексу был молод, кра-

сив, строен, силен, хотя и несся вперед с бешеной скоростью, словно курьерский поезд. Но тот старый паровоз, на котором ехал Селин, изматывал Анну куда больше, и ей стоило огромных усилий дотащить его до конечной станции.

Меж тем ей приходилось ехать на нем еще и еще! Она уже жалела, что пошла на это. И вспоминала сбежавшего мужа: тот хоть и был негодяем, но по крайней мере, отдаваясь ему, она чувствовала себя женщиной, а не скрипкой, у которой безжалостно рвут струны, вместо того чтобы на ней играть.

Анне страдала, а ведь ей надо еще успеть после столь бездарного исполнения сделать приятное лицо и выдавить из себя что-то вроде: спасибо, мне очень понравилось. Она даже закусила губу, чтобы не зареветь.

Слава богу, Селин был законченным эгоистом и не обратил никакого внимания на выражение ее лица. А скорее, решил, что на нем написано неземное блаженство. Анна перевела дух, когда он протопал в ванную, дав ей короткую передышку и возможность прийти в себя.

«Если он захочет изнасиловать меня по моей же доброй воле еще раз, я завизжу, как кошка, которой наступили на хвост, – решила Анна, натягивая до ушей одеяло. – Надо его как-то отвлечь».

Когда Евгений Михайлович вернулся, завернутый до пояса в махровое полотенце, она завела разговор о его семье.

– Женя, а у тебя жена молодая?

– Мы ровесники, ей тоже сорок два года.

– Красивая?

– Шутишь? Студентом еще женился по глупости, нарожала троих, куда я теперь от них? Скоро внуки пойдут, старшему парню восемнадцать.

– Она ревнивая?

– С чего это ты?

– Так... Думаю, не устроит ли она тебе сцену, если сильно задержишься?

– Да? Вообще-то она ничего, не ревнивая... А сколько времени?

– Половина одиннадцатого. Поздновато для совещания.

– Да, пора. – Он тяжело вздохнул. – Знаешь, я думаю, что нам надо снять квартирку где-нибудь недалеко от офиса. А?

Мысленно Анна ужаснулась. Потом подумала: все-таки восемьсот долларов в месяц! И вслух пробормотала:

– Да, неплохо.

– Чтото ты какая-то невеселая, Аня? – насторожился он.

– Домой не хочется, – попыталась вывернуться она.

– Эх, жаль, что мне пора! А то бы мы с тобой еще разок, а?

– Женя, одевайся. Не хочу, чтобы жена заподозрила тебя в связи с секретаршей.

– Чтото ты обо мне чересчур заботишься? – Евгений Михайлович потянулся за брюками. Анне почти удалось улыбнуться:

«Как ты не понимаешь, мне просто нужен таймаут! Я хочу немного передохнуть, а главное, поплакать. Иди же отсюда»

скорей! Хотя и самой пора выметаться, это же не моя квартира. Чужая. Чужая жизнь, чужая квартира». Anne стало совсем грустно. Пока Селин подвозил ее до дома, она еще как-то держалась, хотя с трудом нашла в себе силы чмокнуть его на прощание в щеку. Потом бегом кинулась в подъезд.

На разговоры с матерью не было сил. А та все пыталась выяснить, как да что.

– Уйди, у меня теперь есть работа, скоро будут деньги, большие деньги, только уйди сейчас!

Анна на цыпочках прошла в свою комнату: сын уже спал. Разделась, легла в постель и, закрывшись подушкой, стала реветь. Она не видела, как проснулся Сашка и, подняв голову, долго прислушивался к тому, как плачет мать...

...Ее роман с Селиным развивался слишком банально и вяло. Анна его не любила, поэтому не делала трагедии ни из его мелочности и скупости, ни из того, что он женат, ни из проводимых порознь выходных и праздничных дней. Напротив, отдыхала в это время от Селина и была почти счастлива. В эти дни он только изредка доставал ее телефонными звонками откуда-нибудь с дачи или из кухни, тайком от жены. Успевал шепнуть несколько нежных слов, громко именуя, допустим, Иваном Ивановичем. Услышав дежурное «целую», Анна с облегчением вешала трубку и шла смотреть телевизор. Платил ей Селин аккуратно и по тарифу, дорогих подарков делать не любил, хотя спустя пару месяцев после

знакомства и воспылал к Анне чувством, отдаленно напоминающим любовь.

Это была не любовь, а так, любвишка, страсть к красивой, зависимой от него женщине, которую он не понимал. Эта женщина никогда не говорила того, что он не хотел бы от нее услышать, не отказывала в близости, не устраивала сцен, не просила ничего сверх положенного и не проявляла видимого интереса к его делам. Но Селин от нее этого ждал. И даже хотел, чтобы она хоть раз сорвалась. Он был уверен, что эта женщина не его класса, только случайно попавшая на роль личной секретарши, и всю пользовался моментом.

Както раз жена Селина вместе с потомством отбыла в очередной круиз, и Анне пришлось переселиться на дачу к шефу. Она утешала себя тем, что это всего лишь две недели, впереди еще половина лета, которую не придется ни с кем делить, но все равно считала не то что дни и часы, но даже минуты, когда становилось особенно невыносимо.

Дача у Селина была не слишком шикарная, но очень даже ничего. Двухэтажный домик из белого кирпича, с мансардой, да с гаражом, да с банькой, выскочив из которой можно было с разбега бултыхнуться в ледяное озерцо. В этой баньке Анна пережила самые гнусные часы в своей жизни. После неудачной попытки самоубийства ей казалось, что хуже уже ничего быть не может, душа умерла, ей, душе, все равно, кто и сколько будет в нее еще плевать. Оказалось, что чувствительность в человеке может нарастать, как сожженная кожа,

правда, не такая нежная, как раньше, но после нового ожога больно бывает ничуть не меньше.

Селин просто донимал Анну своей любовью, в нем вдруг проснулась страсть ко всякого рода сексуальным экспериментам: то льда из холодильника принесет для остроты ощущений, то кассету с самой черной порнушкой, то купленный в сексшопе особый презерватив с шипами на конце. Главное, Евгений Михайлович все время добивался от Анны внятного ответа на вопрос: «Ну как?» Однозначными «да, хорошо», «мне понравилось» и «все замечательно» тут было не отделаться. Селин требовал подробных описаний сенсорных ощущений, Анна изнывала и начала его ненавидеть до того, что хотела убить. Он что-то чувствовал и пускался в пространные выяснения отношений:

– Слушай, Анька, все равно я не пойму: ну чего тебе надо? «Сегодня надо, чтобы ты от меня наконец отвязался», – думала про себя Анна и произносила вслух:

– Жень, пойдём искупаемся, вода вечером теплая!

– Нет, ты скажи, почему ты такая?

– Я обычная. Тебя что-то не устраивает?

– Сам не пойму. Ну, хочешь, я тебе бриллиантовые серьги подарю? Заслужила.

«Похоже, я для него нечто вроде собачки. Только той камень на шею норвят повесить, чтобы утопить, а мне – в ухо», – поморщилась Анна и нежно сказала:

– Спасибо, Женечка. А что скажет твоя жена, это же нема-

лые деньги?

– Да какая тебе разница? Скажи лучше, что тебе все равно. Думаешь, я не чувствую, как ты ко мне относишься? Ну что тебе от меня надо?

– От тебя – ничего, – ровным голосом произнесла Анна и добавила на всякий случай в надежде, что он правильно прореагирует: – Ничего больше того, что ты мне даешь.

– Как так? – Селин на лету поймал брошенную подачу.

– Если бы ты действительно мог мне помочь, я давно бы твоей помощью воспользовалась. Деньги даешь – и на том спасибо.

– Да? А что ж ты такого хочешь, чего у меня нельзя попросить? Ты хотя бы попробуй.

– А ты что, Господь Бог?

– А от Господа тебе чего нужно? А, Анька?

– Справедливости.

– Обидел кто?

– Киллера наймешь?

– Сказала!

– Тогда отстань.

– Обижаешь.

– Извини, Женя. Пойдем лучше в постель, это глупый разговор.

– А тебе хочется в постельто?

– Если ты сейчас еще и это будешь выяснять, мы поссоримся, а твоя жена вернется только через неделю. Не успе-

ешь мне так быстро замену найти, если только на Тверской. А там ежедневные сексуальные услуги дороже обходятся, чем моя зарплата за весь месяц. Ты мужик экономный, так что подумай.

– Ну, ты и язва, когда прорвет!

Анна поняла, что перегибает палку, и взяла себя в руки. Лучше уж пусть он терзает ее тело, чем душу. Прижалась к нему, провела рукой по трусам и горячо прошептала:

– Что там у тебя, сладкий мой? Что ты еще придумал? Покажи...

«...Год прошел, как сон пустой. Пустой, бесполезный, бессмысленный... Что там еще? Какие синонимы или как их там? Зачем все? Мать с сыном хорошо живут, покупают на рынке парное мясо, фрукты, «Марсы»«Сникерсы» и жрут, жрут, жрут... Тело мое жрут, между прочим, по кускам его отрывают. Нет, не прощу! Ненавижу их, все равно ненавижу! Тех, кто со мной это сделал! Селин не виноват, он только следствие, они – причина. Что Селин? Не так уж он и плох, нормальный мужик, ему тоже надо... Дело совсем не в нем, просто нет мне покоя, пока они сном праведников спят в своих теплых кроватях, да еще с теми спят, с кем хочется, а я лежу тут и слушаю этот ненавистный храп!» Анна слегка пихнула Селина, чтобы он перевернулся на бок и перестал храпеть. И так не спится, а тут еще он, как назло, разошелся!

Нет, покоя не было. Надо попробовать вскарабкаться чуть повыше, стать самостоятельной и обойтись без мужчины. Ну

сколько можно себя мучить? И Анна стала искать повода, чтобы с Евгением Михайловичем расстаться.

Через несколько месяцев доходы селинской фирмы стали неуклонно ползти вниз. Евгений Михайлович поприжался с деньгами и в конце концов даже отказался от квартиры, которую снимал для интимного отдыха. Анна поняла, что фирма медленно умирает, и впервые устроила ему сцену:

– Слушай, Селин, неужели нельзя сказать прямо, что ты на мели? Я хочу помочь тебе с делами, может, мы вытащим фирму из этой ситуации? Покажи мне бухгалтерские документы и отчет о работе рекламного отдела.

– Ты только моя секретарша. Понятно?

– Что, самолюбие заедает?

– Ты просто баба, и ничего больше.

– Ладно, тогда катись ты знаешь куда?

– Вот. Теперь узнаю – это ты. Долго маскировалась.

– А тебе не нравилось?

– Да я тебя имел как хотел, несмотря на все твои мозги, и буду иметь!

– Ну уж нет, теперь все. Теперь ты вернешься к своей жене, матери троих детей. Надеюсь, она не слишком толстая? Привыкай, Женечка, привыкай.

– Сучка.

– Старый козел.

Анна схватила сумочку и направилась к двери. Наконецто ей стало легко, ох как легко! Она словно летела по ковру.

Скорее! К двери! Скорее!

– Анюта! Анна! – Селин дернулся изза стола.

Она швырнула в него пластмассовой лейкой, из которой ненавидела поливать каждый день цветы в этом ненавистном кабинете. Швырнула, чтоб уж наверняка, чтоб никогда не возвращаться. Пусть помнит, какой она может быть жестокой и злой. Он побабьи взвизгнул, стряхивая воду с дорогого пиджака, и спрятался за стол.

– Мою зарплату за эти полмесяца оставь на розы для жены, может, она еще пустит тебя обратно в свою постель. Пишите письма.

Дверь захлопнулась, Анна пошла к выходу из офиса.

«Ну, и что дальше?» – спросила она себя.

Дальше все вернулось на круги своя. Безденежье, поиски работы. Никто не спешил ее хватать, у богатых мужчин были свои заботы и свои женщины, с более устойчивой психикой, чем у нее, и с меньшей щепетильностью в делах постельных. На дорогие рестораны денег не было, да и ходить туда в одиночку значило подвергать себя опасности. Среди продажных женщин конкуренция жестокая.

Анна не знала, на что еще решиться, куда пойти, а через пару месяцев мать снова заскулила, снова начались бесконечные разговоры о растущей квартплате, ценах на продукты, одежде для Саши и о том, что на зарплату библиотекаря втроем прожить невозможно. Анна бесилась:

– Я же приносила по восемьсот долларов каждый месяц! Себе почти ничего не покупала, обходилась подарками этого козла, думала, что, когда уйду от него, мы сможем подольше протянуть! Так куда ты их девала, эти деньги?! Куда?!

– На еду.

– Мама, ты что, в рестораны тайком ходишь?!

– А почему я должна себе во всем отказывать, раз я тебя вырастила? Да, я тоже хоть под старость хочу хорошо пожить.

– Но надо же было немного откладывать на случай, если я потеряю работу! У нас что, совсем нет денег?

Мать надулась:

– Могла бы и потерпеть, твой Селин был не такой уж плохой.

– Да? А ты хоть раз спросила меня, легко мне это или нет? Как я заработала эти деньги?

– Ты же их не украла.

– Я полтора года жизни у себя украла! Тебе меня не жалко?

– Сашеньке нужны фрукты.

– Пусть яблоки ест, в конце концов, а то у вас ананасы в доме не переводятся. В общем так: я больше в личные секретарши не пойду, буду искать работу, за которую платят не так много, зато не надо себя терзать. Учитесь экономить. Все.

Она громко хлопнула дверью.

...Для их маленькой семьи наступили трудные времена.

Анна отнесла в ломбард селинские бриллиантовые серьги, но за них – увы! – много не дали. Снова пошли бесконечные анкеты и собеседования, устраиваемые кадровым агентством, правда, уже другим. Анна злилась: многочисленные управляющие, директора и менеджеры по персоналу сами не знали, чего им надо, она подходила им по многим параметрам, но мужики почемуто жались.

«Теперь я слишком хороша для такой работы, мне срочно надо подурнеть. Потому что в личные секретари я сама не хочу, мне нужно отойти от Селина», – поняла наконец Анна. Дома ей было невыносимо, и она целыми днями обивала пороги офисов, писала, отвечала, улыбалась, принимала вежливые отказы.

Мать больше не приставала, она вообще перестала с дочерью разговаривать. На столе появилась бесконечная картошка, то в виде жидкого пюре, то жареная, то просто испеченная в духовке. Изредка к ней добавлялись овощные салаты, но все больше селедка и соленые огурцы да тертая морковь под майонезом. Анне было все равно, что есть, как ни странно, сын тоже не протестовал, донашивал старые тряпки и радовался, что мама вечерами рано приходит домой.

Это был период, когда Анна и Сашка сблизилась: сын рассказывал ей о школе, об уроках, об учителях и делился с ней своими детскими проблемами. Она слушала про соседского Тольку, который дерется ногами и кричит громко плохие слова, про девочку Катю, которая сидит за соседней партой,

про учительницу Тамару Николаевну и ее несправедливые отметки. Слушала, и ей становилось немного легче. А сын, казалось, мог рассказывать ей все это бесконечно.

Наконец после долгих мытарств Анне повезло: она устроилась на работу в небольшой магазинчик, торгующий компьютерами и комплектующими, менеджером по работе с клиентами. А проще говоря, продавцом. График работы был напряженный: с девяти до двадцати и со скользящими выходными, зарплата двести пятьдесят условных единиц, но зато никто к ней не приставал.

Проблема с деньгами была решена, мать, конечно, ожидала от дочери большего, но выбирать не приходилось, и она скрепя сердце продолжала экономить на всем. Теперь Анне просто некогда стало думать о своих проблемах и вспоминать о «Северном сиянии». Она сильно уставала, под вечер просто валилась с ног, добравшись до постели, мгновенно засыпала, и ей снились бесконечные вереницы мониторов. О мужчинах она не думала вообще: все люди, независимо от пола, стали для нее просто клиентами, которым обязательно нужно что-то продать.

Изредка во время поездки в метро до начала рабочего дня, пока не навалилась усталость, Анна замечала, что люди вообще делятся на два пола, мужской и женский. Замечала и то, что ее называют женщиной. Иногда девушкой. И тогда в голове мелькала мысль: «Надо бы завести любовника».

Но было просто некогда. Ложась вечерами в постель, она

закрывала глаза и засыпала с мыслью: «Жизнь кончена. Ничего интересного в ней уже не будет. Все в прошлом. Я по-прежнему живу, но, честное слово, оно того не стоило. Мне надо было тогда умереть».

Глава 3

Ленский

Каким ветром занесло его в их маленький магазинчик, Анна поначалу и не сообразила. Не поняла и того, что ветер этот был ветром перемен, прежде всего для нее самой, скромного менеджера по работе с клиентами. Но факт остается фактом: невысокого роста плотный господин с намечающимся брюшком стоял посреди торгового зала, держа в руках ноутбук, и раздумывал, к кому бы обратиться. Наконец подошел к Анне:

– Девушка, у меня по дороге на работу завис ноутбук. Я хочу немедленно заменить модули памяти. Выпишите, пожалуйста. И побыстрее, у меня мало времени.

Прежде чем выписать товар, Анна попросила показать зависшую «машинку». «Машинками» они с менеджерами между собой называли компьютеры. Взглянув на дисплей, улыбнулась:

– Помоему, у вас винчестер полетел, а вы память покупаете. Давайте ремонтников позовем, они проверят, я сама не слишкомто разбираюсь. И не стоит торопиться, а то придется приехать еще раз и вернуть товар.

Анна вызвала сотрудника сервисцентра и передала клиента ему. Минут через десять господин с ноутбуком вновь

подошел к ней со словами:

– Действительно, полетел винчестер. Выпишите, пожалуйста, – и протянул листок с заключением сервисцентра.

Анна озабоченно покачала головой:

– Вы информацию хоть дублируете? Больше половины ведь пропало!

– А вам что, жалко?

– Конечно. Крутая «машинка», сюда такие редко попадают, – улыбнулась Анна. – Сразу видно, что она вам для работы нужна. А зачем на работе лишние проблемы?

– Да, я дублирую информацию на дискетах, а то действительно было бы обидно. Так что там у вас есть?

– Могу продать вам винчестер что подороже, но есть дешевле и лучше. Просто марка еще не раскрученная. Сэкономите деньги.

Господин улыбнулся и посмотрел на Анну внимательно, словно прицениваясь. Она сразу почувствовала, что взгляд у него тяжелый и ни лишних слов, ни лишних денег этот человек на ветер не бросает. Тем не менее он сказал:

– Вы не только красивая и умная девушка, что само по себе редкое сочетание, вы еще и добрая, а так вообще не бывает.

– Ошибаетесь, я злая, просто бедная и привыкла на всем экономить.

– Ничего, я какнибудь переживу. Выписывайте дорогой. Вам ведь проценты с продаж платят.

– Выходит, это вы добрый, а не я. Заботитесь о повышении моей заработной платы.

– Услуга за услугу. Только и всего.

Господин неприятно усмехнулся. Творец явно поскупился на губы для этого человека, и на лице его просто взял да и прорезал узкую щель на месте рта. Анна пожала плечами, мол, как скажете, и выписала чек на приличную сумму. Он тут же оплатил покупку и установку винчестера, отдал ноутбук сотруднику сервисцентра, а сам вернулся к Анне, подождал, пока она обслужит очередного покупателя. Потом спросил:

– Могу я в качестве еще одного комплимента пригласить вас на ужин?

– Сейчас только утро, мне работать до восьми часов вечера, – уклончиво сказала Анна.

– Это значит «да», и я заеду в восемь?

– У меня зарплата только послезавтра, а деньги кончились. Сказать по правде, я давно уже хочу вкусно поужинать. Но приму это только в качестве комплимента моим талантам. – И она посмотрела господину прямо в глаза. «Ему хорошо за сорок, а скорее всего, что и все пятьдесят, не красив, но, судя по всему, богат. Это мы уже проходили. Почему бы нет?»

– Откровенность за откровенность: я вовсе не собираюсь тащить вас в постель. Так что?

«На роль героялюбовника он, конечно, не годится, но фи-

зического отвращения я к нему не испытываю. Почему бы нет?» – снова подумала Анна.

– А как вас зовут, девушка, мы ведь так и не познакомились?

– Анна Австрийская, – сказала она с вызовом, заранее ожидая его усмешки.

– А меня Владимир Ленский, – вдруг рассмеялся он.

– А если серьезно?

– Милая девушка, похоже, наши с вами родители принадлежат к категории не очень умных, но весьма амбициозных людей. Как вы не тянете за этим прилавком на королеву Франции, так и я не похож на изнеженного поэта, убитого Онегиным на дуэли.

Тогда рассмеялась Анна, ей вдруг стало удивительно легко с этим человеком. Через минуту они уже хохотали оба, вызывая недоумение находящихся в торговом зале людей.

– Если вы сейчас не уйдете, Владимир Ленский, меня уволят с работы.

– Тогда я куплю вам маленькое королевство, – пошутил он. – В восемь заеду.

– Учтите, я сама никогда не опаздываю, не люблю, когда меня ждут, но и другим не прощаю.

– А я никогда и не опаздываю.

Ровно в восемь нольноль Анна вышла из дверей магазина, и в восемь же нольноль к магазину подъехал Ленский. Взглянув на его черный джип «Мерседес», Анна подумала, что

насчет маленького королевства он, пожалуй, не очень пошутит.

«Удача? – спросила она себя и медленно начала спускаться по ступенькам. Надо показать свое королевское достоинство, мужик неслепой, на дешевку не клюнет».

Ленский улыбался, глядя, как Анна плывет к его машине, и с удовольствием разглядывал ее стройные ножки.

– Где ты хочешь поужинать? – спросил он, сразу оставив церемонное «вы».

Анне не хотелось появляться в тех местах, где ее могли видеть с Селиным. «Все это я расскажу ему потом, а сейчас надо поиграть в Золушку, которая в двадцать семь лет все еще пребывает в ожидании прекрасного принца. Но как он не похож на принца! Как не похож!»

– Я не привыкла к дорогим ресторанам, для меня «Макдоналдс» – предел мечтаний. Хочу туда, где все напоминает общепит, извини.

– Ладно. Какую кухню ты предпочитаешь?

– Свою. Шесть квадратных метров, на которых едваедва помещаются кухонный стол, плита, мойка и два табурета.

– А если серьезно? Итальянский ресторанчик «Сбарроу» тебя устроит?

– Если там нет крутых.

– Что так?

– Не люблю вращаться в кругах, к которым не принадлежу.

– Какое у тебя образование? – неожиданно спросил Ленский.

– Педвуз, а что?

– Чувствуется.

– Не будет нескромно, если я задам встречный вопрос? А у тебя что?

– Не спеши. Придет время – все узнаешь.

Анна пожала плечами, она уже поняла, что Ленский для начала решил к ней просто присмотреться. После скромного ужина, за которым они мило болтали на общие темы, он отвез ее к ней же домой, а не на свою или чужую квартиру, проводил до подъезда и, попрощавшись, исчез без всяких комментариев. Анна вздохнула, вновь пожала плечами: что ж, значит, не повезло. И тут же выбросила из головы этого неприятного, но богатого господина, которому так и не смогла понравиться.

«Болтаю слишком много», – попеняла она себе перед тем, как заснуть. И больше к этой теме не возвращалась даже в своих мечтах.

Примерно с неделю Анна чувствовала себя не в своей тарелке и ничем не могла это объяснить. Ей стало казаться, что она постоянно встречает одних и тех же людей, что на нее косятся коллеги и както странно смотрит начальник, и все валится из рук по причине не вполне понятной.

«Во всем виновата осень, плохо на меня действует; похо-

же, моя депрессия опять грозит перейти в агрессию. Разыгралось воображение, а заодно с ним и нервы. Нет, надо взять себя в руки или вновь менять работу. Вот пойду сейчас и в упор спрошу хозяина, почему он так на меня смотрит?»

Конечно, она никуда не пошла: смелости не хватило. Анна давно научилась ценить синицу в руках, а не журавля в небе. А через неделю объявился Ленский.

Он возник на пороге с той самой неприятной усмешкой, которая с самого начала так раздражала Анну. В нем было что-то, заставляющее людей мгновенно подтягиваться и подобострастно улыбаться. Анна вдруг поняла, что именно про таких людей, таинственно понизив голос, говорят: «Ооо! У них миллионы!»

На Ленском был отлично сшитый дорогой костюм, на левой руке злосчастный «Ролекс», давно уже ставший притчей во языцех, на ногах отвратительные рыжие ботинки. В нем не было абсолютно ничего от красавчика Вани Панкова, тем не менее Анна слегка напряглась. Она почувствовала непонятное волнение.

Он подошел к столу, за которым сидела Анна, подождал, пока она договорит по телефону, и выразительно посмотрел на часы. Было без трех минут восемь, рабочий день заканчивался.

– Заложился на пробку, а ее не было, – пожаловался Ленский, не обронив даже любезного «Здрасьте». – Потерял целых пять минут.

– Хотелось бы знать, что я стою хотя бы твоих пяти потерянных минут, – осторожно сказала Анна.

Он рассмеялся:

– Это еще надо проверить. – Вот тут Анна поняла, что Ленский на нее всетаки клюнул.

У подъезда на этот раз стоял черный «пятисотый» «Мерседес», но уже не джип. «Он что, машины меняет вместе с костюмами?» – усмехнулась про себя Анна. Ленский вежливо открыл перед ней дверцу:

– Прошу. Сегодня поедem в дорогой ресторан, а не в забегаловку, – уверенным тоном заявил он.

– У меня для этого не слишком подходящий наряд, – попыталась отмахнуться Анна. – И вообще, я не бываю в таких местах.

– Ты про Селина, что ли? Забудь.

«Откуда он знает про Селина?» – испугалась Анна и, садясь в машину, пробормотала:

– Какой еще Селин?

– За тобой неделю мои люди ходили. Попутно частный детектив, который мне коечем обязан, навел справки о твоём не оченьто бурном прошлом: неудачный брак, неудавшееся самоубийство, неудачная попытка стать личным секретарем. Не оценили тебя. Да...

– Ты, что ли, настоящую цену дашь? – обозлилась Анна. Ей вдруг захотелось опять в любимую комнату с видом на огни, на пятнадцатый этаж, а оттуда – вниз. «Пошел бы он

к черту вместе со своими «мерседесами»! Обойдусь». Она хотела выпрыгнуть из машины.

– Сиди, – тихо сказал Ленский. – Вижу, что сейчас прыгнешь. Сиди.

«Боже, как он меня чувствует! – ужаснулась Анна. – Зачем все это? Мне страшно. Кто он?»

– Я не собираюсь тебя насиловать и не собираюсь торопить. Я сам решу, когда ты будешь готова для наших совместных ночей.

– Чего тебе от меня надо?

– Пока не знаю. Сейчас я хочу, чтобы ты оставила эту работу и переехала ко мне.

– Куда это?

– У меня дом за городом. Я приглашаю тебя в нем пожить.

– Я с мамой живу и с сыном.

– Маму с сыном мы пока оставим как есть, там будет видно. Денег для них я тебе дам, проживут немного вдвоем в московской квартире.

– Постой... Какая еще дача? Что я там буду делать?

– Я сказал – дом. И там ты будешь жить. У тебя глаза, как у бешеной кошки, ты скоро кусаться начнешь, посмотри на себя в зеркало.

– Ты что, благотворительностью занимаешься?

– Отнюдь. Я ничего не делаю просто так, не преследуя какуюто конкретную цель.

«Что это за цель? Уж, конечно, он хочет со мной пере-

спать. Может, у него каждый месяц новая девочка? Мне выпал октябрь. Черт с ним. Поеду», – решила Анна.

...И она поехала. Все получилось буднично и просто: как-то вечером он заехал за ней в магазин и сказал, что завтра она на работу не выходит. Анна взяла расчет, и вскоре они уже ехали в пригород. Пролетев километров сорок по узкому, извилистому шоссе, «Мерседес» Ленского свернул на аллею, по обеим сторонам которой росли уже наполовину облетевшие тополя. Анна прикрыла глаза. Куда? Зачем?

– Почти приехали, – покосился на нее Ленский. – Не спи.

Она вздрогнула и тряхнула волосами. Хватит спать, надо привыкать к новой жизни. Первое, что увидела Анна, был высокий глухой забор. Охранник в камуфляже, выйдя из будочки, при виде машины Ленского почтительно взял под козырек.

Когда они проехали на территорию коттеджного поселка, Анна стала искать взглядом дом, который мог бы принадлежать Ленскому. Тот словно почувствовал что-то и буркнул:

– Нам дальше.

И тут Анна увидела еще один забор. И еще одну будочку, из которой также вышел охранник. А потом, уже за воротами, увидела дом. Огромный трехэтажный особняк архитектуры весьма оригинальной. Судя по обилию балконов, башенок и флигелей, его хозяин был человеком скорее сентиментальным, но аккуратно подстриженные кусты вокруг и идеально правильные аллеи наводили на мысль о пуританстве.

Крыша этого странного дома была будто бы срезана.

«Бред какойто! Похоже на бритое барокко или рококо, как там их? Он точно псих. Но зато какие деньги!» – восхитилась Анна. Ей стало смешно, когда она вспомнила селинскую дачку. Убожество, честное слово! А при мысли о баньке Анна невольно передернулась и вновь стала решать для себя дилемму: за какую сумму можно еще раз такое вытерпеть? Оказалось, что не так уж много женщине нужно времени, чтобы нарастить новую кожу и приготовиться к тому, чтобы ее вновь содрали вместе с мясом до самых костей.

На звук работающего мотора из дома вышла полная тетка деревенского вида, в платке и длинной вязаной юбке, вслед за ней появился шустрый паренек. Ленский вышел из машины, отдал ему ключи, а Анне сказал:

– Пошли.

Они прошли в дом и некоторое время путешествовали по первому этажу. Ленский гостеприимно распахивал перед Анной двери комнат, показывая, где что находится. Она оглядывалась по сторонам и невольно страдала оттого, что все так дорого и некрасиво. Дом был обставлен в нарушение всякой гармонии, казалось, что интерьер зависел от резкой смены настроения хозяина, кидающегося из одной крайности в другую. Изящная козетка в стиле мадам Помпадур соседствовала со столиком современного дизайна, букет из живых цветов в хрустальной вазе, пластмассовые фрукты на расписном глиняном блюде и так далее. На стенах много

картин, но почти все плохие. Уж в чем в чем, а в живописи Анна разбиралась, потому что однажды решила понять, прав ее отец, считая себя гениальным художником, или не прав. Отец сильно преувеличивал свой талант, как и большинство модных живописцев, прельстивших своими творениями Ленского. Но Анна не решилась об этом заговорить, дом словно давил на нее своей показной роскошью, он казался чужим и слишком огромным.

Показав последнюю комнату на первом этаже, Ленский направился к лестнице, ведущей на второй. Поднявшись вслед за ним наверх, Анна решила, что здесь должны находиться спальни. И правда, Ленский кивнул на одну из дверей, бросив:

– Моя спальня, если интересуешься.

– А если нет? – лягнула Анна и испугалась.

– Тогда забудь пока о том, где она находится, – прореагировал он вполне спокойно.

«Пока! – мысленно ужаснулась Анна. – Он сказал пока, значит, спать мне с ним все-таки придется. Хорошо, если не сегодня. А чего ты, собственно, хотела? Не девочка уже, должна понимать».

Они прошли дальше, и Ленский открыл перед ней следующую дверь. В небольшой, изящно обставленной комнате все было выдержано в бежевых тонах. Любимый цвет Анны. Она все поняла:

– Ах, ты был уверен, что я поеду с тобой и буду здесь

жить?

– Ну, если ты польстилась в свое время на Селина, я подумал, что против моих денег ты просто не сможешь устоять.

«Мерзавец!» – крикнула про себя Анна и на всякий случай прикусила губу.

– Можно вслух, – усмехнулся Ленский. – Дозволяю.

– Два слова? Без обиды?

– Слушаю.

– Самодовольный осел. Все.

– Легче стало?

– Значительно.

– Тогда двинемся дальше. Нравится тебе здесь?

– Здесь да.

– А в остальных комнатах?

– Неплохо, – Анна опять стала осторожничать.

– А я думал, у тебя вкус есть.

– Не так сразу. Я еще поужинать хочу, не забывай, что я с работы. Вот наймусь и тогда скажу, что обо всем этом думаю. Кстати, что я буду носить? Одежду ты мне, случайно, не успел подобрать?

– Вот еще! Можешь пошарить в моем гардеробе, мы примерно одного роста, найдешь пару брюк и рубашек, а потом поедешь и чтонибудь себе купишь. Допустим, домашние тапочки и халат. Вывозить тебя в свет я пока не намерен.

– Я не вожу машину, а общественным транспортом вблизи и не пахнет.

– Отвезут, – равнодушно пожал он плечами. – Вообщето пора научиться самой водить машину, может, когданибудь пригодится, но этот пробел мы с тобой ликвидируем потом, а пока пойдем в мою любимую комнату, там стол уже накрыли.

Эта комната Анне понравилась. Впервых, из нее были видны огоньки в окнах коттеджей, расположенных по соседству. Уже коечто, хотя и не Москва, и не пятнадцатый этаж, а всего лишь второй. Потом здесь находился камин. Камин этот был затоплен, возле него стояли два уютных кресла, между ними низкий столик, изысканно сервированный. Анна поморщилась только, увидев безобразный глиняный кувшин. Ну, видимо, без этого никак нельзя. Большая часть комнаты оказалась пустой, но главное, в ней не имелось ничего для лежания, за исключением медвежьей шкуры на полу.

«Ну, на шкуре – это пошло. Ленский на такое не пойдет», – решила Анна, усаживаясь в глубокое и черное кресло.

– Что ты пьешь? – спросил Ленский.

– Шампанское.

– Всегда, даже без повода?

– А что, жалко?

– Язва ты.

– Мне это уже говорили.

– Пункт первый: никогда не вспоминай при мне о других.

– Хорошо, не буду. Только скажи сразу, какой пункт вто-

рой?

– Я уже почти жалею, что с тобой связался. Слишком много сил придется потратить на твое воспитание.

– Я есть хочу. Язвлю, потому что голодная. А сытая я спокойна.

– Тогда придется хорошо тебя кормить. Закуски будешь или сразу горячее?

– Все. Сегодня даже пообедать толком не удалось.

Анна ела, ела и все никак не могла утолить голод. Ленский же больше смотрел на нее, чем в свою тарелку.

– Ты на диете, Владимир?

– Что ж так скучно: Владимир? Сократи уж какнибудь.

– Как?

– Для Вовки я староват, хотя бы Володя.

– Кстати, из всех мужских имен ни одно мне не нравилось меньше.

– Спасибо. Твое имя мне тоже никогда особенно не нравилось.

– Придумай чтонибудь интересное, по своему вкусу.

– А что? Аня? Нюся? Нюта? Пожалуй, мне больше нравится Нюра. Сойдет?

– Ладно, тогда мне среди всех производных твоего имени больше всего нравится Дима.

– Приятные воспоминания о какомнибудь юном возлюбленном? – усмехнулся Ленский.

– Эту тему мы уже закрыли пунктом первым.

– Я могу задавать вопросы, а ты обязана на них отвечать. Кстати, это и есть пункт второй. Так кто такой Дима? Твоего сбежавшего мужа зовут не так.

– Ревнуешь?

– А ты мне уже кто-то, чтобы я тебя ревновал?

– Так ты на Диму согласен или нет?

– Пока согласен.

– Ох, чувствую, что сбегу до того момента, когда закончится срок этих твоих «пока», – Анна немного выпила и почувствовала, что язык ее развязался.

– Посмотрим.

– Ладно, Дима, я наелась, спасибо огромное, а теперь рассказывай, что ты от меня хочешь?

– Прямая ты женщина, Ньюра, не удивляюсь, что у тебя с мужиками не складывается. Ладно, если так желаешь откровенности, пожалуйста: мне нужна женщина.

– Ага! Все-таки нужна?

– Знаешь, скучно одному в таких хоромах, и потом, я все-таки мужчина, не старик еще, если ты это успела заметить.

– А жена?

– Была. Не дождалась, пока я разбогатею, сбежала к другому. Давно это случилось, у меня уже внук есть, а мою жену тот, другой, давно уже бросил.

– Что ж обратно не пустил?

– Зачем? Я ей даю все, что она просит, сыну тоже, теперь еще и внуку, только женщин я после этого сначала прове-

рю, прежде чем решиться на серьезные долгосрочные отношения.

– Как меня?

– Лучше наверняка знать, с кем имеешь дело. – Ленский взял щипцы и, нагнувшись к камину, помешал горевшие дрова. Посыпались икры. Он явно любовался пламенем, и Анна подумала:

«На меня бы так хоть разок посмотрел, и я бы не стала раздумывать, оставаться здесь или нет». Вслух же сказала:

– Я не верю, что ты в меня влюбился с первого взгляда.

Он распрямылся, бросил щипцы и откровенно рассмеялся:

– А кто говорит про любовь? Просто ты мне подходишь. У нас много общего, гораздо больше, чем ты думаешь; потом, ты молодая, интересная, неглупая, со вкусом. Мне нужна хозяйка дома, любовница, кто там еще? К тому же раз ты баба умная, то сможешь себя занять, пока я занимаюсь делами. Книжки, преподаватели, курсы, какие захочешь – все у тебя будет.

– С чего ты взял, что именно это меня заинтересует?

– Не тряпками тебя покупать? Пошло, Ньюра. Ты женщина другого класса, это я понял с первого же взгляда.

– Я люблю красивые вещи.

– Пожалуйста. Можешь сколько хочешь ходить по магазинам. Тоже развлечение. Хотя, если мы сойдемся, я предпочел бы, чтобы ты мне помогала в делах.

– Чем ты занимаешься?

– Я банкир, крупный банкир. Президент мною же созданного банка.

– Что я в этом понимаю?

– Ничего, так же как и во всем остальном, но это тебе никогда не мешало. Не захочешь – найдешь себе другое дело. Тебе необходимо дело. Поэтому я тебя и выбрал. Мне не нужна просто постельная принадлежность, к тому же у тебя с сексом проблемы, ты будешь мне верна. Не думаю, что тебя потянет в чужую постель.

– А если все-таки потянет?

– Значит, мы друг в друге ошиблись.

– Мне все это не нравится.

– Аргумент?

– Я тебя не люблю.

Тут он просто захохотал:

– Ну, насмешила, умница ты моя! А как же Селин?

– Это уже прошло. Я понимаю, что миллионы женщин ложатся в постель без любви, они совершенно спокойно себя продают, – это везде и повсюду. Пусть. Другие могут – я не могу. Попробовала. Мне стало противно. Без любви противно.

– Ну, впервых, это действительно смешно. Вовторых, один опыт – это еще не опыт, втретьих, главное – привычка. Кстате о привычке: я понимаю, что такой женщине, как ты, нелегко лечь в постель с немолодым, некрасивым и абсолют-

но бездарным в этих делах мужчиной. Не перебивай, я отлично знаю, что бурную страсть в молодой дамочке пробудить не способен. Какимнибудь юным смазливym кобельком ты бы сразу прельстилась, и не надо так обиженно моргать. Я сразу хочу предупредить о том, что тебя ждет. Оргазм ты вряд ли испытаешь, даже если мы оба зададимся этой целью и будем пробовать еще и еще. Твой Селин тебя просто сломал, он неумный человек. Но когданибудь это пройдет. Поживем, притремся друг к другу, поужинаем вместе раз этак десять, поговорим о том о сем, глядишь, тебе самой захочется посетить мою спальню. Дверь я тебе уже показал.

– Сколько времени ты мне даешь?

– Ох как жестко, Ньюра. Слишком прямолинейно.

– Я хочу знать, сколько ты будешь терпеть мое «не хочу»?
Неделю, месяц, два дня?

Он задумался, сжав в ниточку и без того почти невидимые губы. Анна не могла себе представить, что когданибудь сможет добровольно его поцеловать. Ленский, видимо, понял ход ее мыслей и сказал:

– Месяц, пожалуй. Я банкир, а не менестрель, цель жизни которого распевать серенады под окнами прекрасной дамы. Я не буду тебя добиваться.

– Потом?

– Можешь вернуться за прилавок к своим мониторам. Они тебе небось ночами снятся.

– Что я получу?

– Ничего. С какой стати я за месяц твоего бесполезного присутствия в своем доме должен выплачивать компенсацию?

– Значит, потеряв работу, которая кормила мою семью, я могу ничего не получить взамен.

– Если не примешь мои условия.

– Ты предлагаешь мне снова врать и притворяться. Что ж, я могу хоть сейчас сказать, что ты мне безумно нравишься. Что я всю жизнь только о тебе и мечтала. Что...

– Не надо. Мне бесполезно врать. Тем более тебе. Я гораздо старше, опытнее и мудрее. Поэтому отправляйсяка ты, милая, спать. Для первого раза хватит.

– Могу? Одна?

– Спокойной ночи. Да, и не зли меня слишком, я нервный.

– Байбай! – Она вынырнула из кресла и сделала Ленскому ручкой.

«Если бы и в самом деле существовал дьявол, я бы подумала, что это ты», – мысленно сказала ему Анна на прощание. Ленский ее, естественно, не услышал.

С неделю Анна присматривалась к Владимиру, а он, похоже, присматривался к ней. Они каждый день ужинали вместе, беседовали за столом на общие темы, иногда обменивались язвительными репликами, и Ленский пытался ее разозлить. Но потом отступал, Анна же никак не могла понять, нравится ей все это или нет и какие чувства она испытывает

к этому человеку. Бесспорно было только одно: он ей интересен. Ленский даже не пытался ухаживать за ней: объявил условия сделки и целиком погрузился в работу, ожидая, какой результат будет через месяц. Анна не получала ни дорогих подарков, ни больших денег, только на карманные расходы и на минимум самых необходимых вещей в своем гардеробе. Окружение Ленского относилось к ней безразлично, как к человеку, чье положение в доме еще не определено. Видимо, таковы были инструкции хозяина.

Она бесцельно слонялась по особняку, разглядывала картины, часами сидела у бассейна, ежась от холодного осеннего ветра и лениво бросая камешки в стоячую воду. Была середина октября, лучшая осенняя пора уже миновала, обманчивое золото листвы все больше и больше ржавело, потом, опадая, словно превращалось в бесполезный металлолом, который мешками оттаскивал на свалку садовник.

«А может, он за мной приглядывает? Может, это и не садовник вовсе, а очередной детектив, за пазухой у которого пистолет, а в кармане инструкции пристрелить меня в случае любого неверного шага? Не похож этот человек на садовника. Ну и пусть. Пусть», – и Анна, вздохнув, кидала в воду очередной камешек. Ленский с утра уезжал в свой банк, ее кормили и оставляли бродить где захочется. Все делали вид, что поглащены своими делами, никто с Анной не разговаривал, да она и не искала общения.

От безделья и скуки к ней вернулись прежние мысли о

несчастной загубленной жизни. Целыми днями Анна вспоминала, как предали ее друзья, сбежал муж, обманула лучшая подруга. Время не собиралось лечить старые раны: Анна могла утопиться в шампанском и обвешаться бриллиантами, как новогодняя елка огнями, но лечь в постель ей хотелось только с мерзавцем Панковым. Это ее бесило, она тосковала, особенно больно было думать, что эти люди о ней и не вспоминают, живут себе, наслаждаются жизнью, угрызений совести не испытывают. Ей вдруг захотелось доказать. Кому и что? Неважно, но обязательно доказать. И она решилась. В конце концов Ленский оказался прав: он всегда прав, этот умный, поживший и через многое прошедший человек. Анна привыкла видеть каждый день его лицо и уже не замечала недостатков его внешности, привыкла вечерами садиться рядом с ним в кресло перед камином, пить ледяное шампанское и слушать иронические замечания Ленского. И она надеялась, что со временем так же привыкнет каждый вечер ложиться с ним в одну постель.

Это случилось через неделю: Анна не стала выдерживать долгую паузу, она никогда не считала себя хорошей актрисой. Зачем ждать целый месяц? Он о чемто догадался, и хотя обычно пил мало, в этот вечер позволил себе немного расслабиться. Анне даже не пришлось затевать долгих объяснений перед тем, как отправиться с ним в спальню. Он быстро закончил ужинать, причем молча, не распространяясь, как обычно, на темы биржи, нового поворота в экономической

политике и курса доллара. Поставил на столик пустой бокал и просто сказал:

– Ну что, Ньюра, пойдёмка мы спать? – А потом, как будто это случилось с ними бог знает сколько лет, обнял ее, идя по коридору, и открыл дверь своего логова, пропуская ее вперед.

Анна отдала ему должное: по крайней мере он ее хотя бы берег. Долго и нежно целовал, не требуя ответа, ласкал ее тело, незаметно разглядывая, а она отчего-то стеснялась своей худобы. Ей было страшно до него дотронуться, казалось, что после этого все рухнет: Ленский в ней разочаруется. А она уже привыкла к такой жизни, привыкла к нему. Похоже, он все понял, Анну долго мучить не стал, быстро вошел в нее, сделал несколько сильных, резких движений, потом глубоко выдохнул, молча отстранился и оставил ее в покое.

Анна полежала тихонько, подождала, пока он уйдет в ванную, натянула на себя одеяло, чтобы согреться, и затихла. Она всегда мерзла, если, занимаясь сексом, не испытывала возбуждения. И сейчас мечтала только об одном: о горячей ванне. Когда Ленский вернулся и лег в постель, она осторожно спросила:

– Ничего, если я пойду искупаюсь?

– Только учти, что когда ты вернешься, я уже усну. Спать ты, надеюсь, собираешься здесь?

– Да, – быстро пробормотала она и прыгнула с кровати.

Ванна согрела ее и успокоила. Все было не так уж пло-

хо, она поняла, что и к этому скоро привыкнет. Он не делал ей больно, и это главное. Но и насчет оргазма он оказался прав: с ним она никогда его не испытает. Что ж, это не самое страшное. Зато у нее теперь будет много денег, очень много. Анна вылезла из ванны, надела халат и вернулась в спальню. Ленский уже уснул или делал вид, что спит, по крайней мере для себя он этот день закончил. А она вольна поступать как хочется.

Когда Анна проснулась, Ленский уже уехал. Она облегченно вздохнула, ей до смерти не хотелось обсуждать с ним подробности вчерашнего вечера: ну случилось и случилось. Зато когда Анна выходила из его спальни, тетенька впервые улыбнулась ей и сказала:

– Доброе утро. Завтракать будете на кухне, как обычно, или накрыть в зале?

– Как обычно, – улыбнулась в ответ Анна.

Она сразу почувствовала, как изменилось к ней отношение обитателей особняка. Видимо, на этот счет Ленский перед уходом успел дать соответствующие инструкции.

За завтраком прежде суровая с Анной тетенька осталась в столовой и поинтересовалась распоряжениями хозяйки насчет обеда и ужина. После завтрака шофер предложил отвезти Анну в город, проведать родных и прогуляться по магазинам. Присутствующая при этом тетенька сразу же выдала Анне солидную сумму денег на покупки, из чего Анна сделала вывод, что она что-то вроде экономки в доме Ленского.

Охранник взял под козырек при виде ее машины и проводил почтительным взглядом. Она старалась не таращиться по сторонам, проезжая вдоль коттеджного поселка, но на самом деле ее до смерти интересовали соседи.

Большую часть денег Анна отдала матери и сказала, что скоро, возможно, заберет их с Сашкой к себе и они будут жить за городом в огромном доме. Мать выглядела очень довольной, Сашка, наоборот, хмурился и капризничал. Анна не дослушала родительских наставлений и сбежала гулять по Москве.

Проезжая по набережной, она невольно поймала себя на мысли, что все это ей чертовски приятно: машина с личным шофером, деньги, дорогие магазины, в которые теперь можно заходить, не стесняясь.

Ленского Анна увидела только за ужином. Он казался очень усталым, хмурился и вяло ковырялся в тарелке.

– Неприятности? – осторожно спросила Анна.

– Разве бывают люди с большими деньгами и без неприятностей?

– Не знаю. Из подобных людей я знакома только с тобой. – Анна надеялась, что он так не будет обсуждать подробности вчерашней ночи, он и не стал.

Поужинав, они прошли в спальню. Неожиданно для себя Анна попыталась его приласкать: ну устал человек, расстроился, к тому же вчера был таким милым. Ленский сделал вид, что не слишком этим удивлен, принял неуверенные

ласки Анны как должное и так же осторожно, как и в прошлую ночь, воспользовался ее телом.

«И всетаки зачем я ему?» – подумала Анна, отодвигаясь на свою половину кровати.

... Через пару месяцев ее положение в доме определилось окончательно. Прислуга даже стала называть Анну «мадам»: что мадам хочет на ужин? мадам сегодня поедет в город? мадам заказать билеты в театр? Анне это слово не нравилось, но она не протестовала. Может, это нравится Ленскому? Что ж, мадам надо серьезно заняться собой и восполнить пробелы в образовании. И Анна воспользовалась услугами учителей и курсов, которые с самого начала обещал ей Ленский.

Их отношения все больше и больше упорядочивались. Их многое объединяло. Преданная любовь, неудачный брак, отсутствие близких друзей, страдания, через которые оба прошли и о которых не любили распространяться, иронический взгляд на жизнь. Это был довольнотаки странный союз зрелого мужчины и молодой женщины, которые не влюблены, а нужны друг другу. Ленский не любил говорить комплименты, Анна их терпеть не могла, словом, у них было много общего.

Через пару месяцев он начал потихоньку вводить Анну в круг своих знакомых как официальную любовницу. Однажды приехал на ужин с незнакомым человеком, взглянув на которого Анна тут же обмерла: тот был потрясающе красив и как раз в ее вкусе. Брюнет, гибкий, стройный, высокого ро-

ста, с висками, посеребрёнными легкой сединой, и обволакивающим взглядом карих глаз. Именно таким Анна всегда представляла Ваню Панкова в зрелости.

– Знакомься, Нюра: мой адвокат, Денис Владленович Малиновский.

«Ну все, пропала!» – подумала Анна.

За ужином она все время чувствовала, как кровь приливает к щекам. Малиновский смеялся и ласкал ее взглядом просто потому, что это была его манера общения с женщинами. Анна нервно смеялась, проливала шампанское на скатерть и дорогое вечернее платье, постоянно говорила глупости, а Ленский исподтишка ее изучал.

– Денис Владленович, вы только Диму защищаете или других тоже? – Анна вела себя как заправская кокетка, но ничего не могла с собой поделать.

– Анна, у вас язык заплетается, когда вы произносите мое имя и отчество. С Володей мы много лет на «ты», давайте вы меня тоже будете звать какнибудь покороче.

– Извините, но мне не очень нравится имя Денис.

– От Владимира ты тоже никогда не была в восторге, придумала какого-то Диму. Преобразуй во что-нибудь и Дениса, – хмуро сказал Ленский.

– Во что же я его преобразую, оно же такое короткое?

– Ну, не везде, – пошло пошутил Малиновский. Анна зарумянилась:

– Если я буду называть вас Дэн, сойдет?

– Дэн? Вы оригинальная женщина, Анна. Уж извините, но я никогда не смогу назвать вас Нюрой. Володя тоже странный человек. Дэн вполне подойдет, если к этому добавится еще и обращение на «ты». Я буду часто приезжать к вам, Анна.

– Денис ведет мои дела, – поспешил прокомментировать Ленский.

– Значит, и мои будет вести тоже? Жаль, что их у меня просто нет. – Как назло вырвалось это «жаль»!

Владимир както странно на нее посмотрел и сказал непонятную фразу:

– Ты еще успеешь.

Малиновский уехал поздно. В спальне в этот вечер Ленский впервые затеял с Анной выяснение отношений:

– Ты, я вижу, не такая уж ледяная? Что, не мерзла сегодня? Как же! Нам даже жарко стало!

– Да? Это не то, что ты ждал?

– Я видел фотографии твоего сбежавшего мужа, поинтересовался на всякий случай: а вдруг я хоть немного на него похож? Ведь ты изза него отравиться пыталась. Любовь, значит, была. Что ж, у тебя вкус не меняется.

– Постоянство – признак ума.

– Ты мне цитатами зубы не заговаривай – не пройдет. К тому же я злой сегодня. Раздевайся.

– Так сразу?

– Я тебя хочу, ты сегодня не отмороженная, как обычно,

а нормальная баба. Давай снимай это дорогое барахло, – он показал пальцем на ее бюстгальтер, выглядывающий изпод кружев пеньюара. – Ты сейчас мужика хочешь, и тебе все равно, кто это будет, я хочу воспользоваться моментом.

Анна не успела даже охнуть. Не дожидаясь, пока она разделется, он сам стянул с нее пеньюар, белье и повалил на кровать. Ей действительно хотелось мужчину. Ленский и здесь оказался прав, Анна испытывала приятное возбуждение. Закрывала глаза и видела лицо Малиновского. Представляла, что лежит с ним в постели и вся горит оттого, что его руки гладят ее тело, а губы целуют.

Ленский еще говорил, что этого не случится! Что никогда ей не почувствовать, как внутри все мгновенно сжимается в комок от сладкого спазма, будто там в самом конце фейерверка взорвалась большая и яркая ракета, рассыпав целый веер разноцветных огней, а потом наступило расслабление и полное блаженство. Только бы он не понял, откуда это взялось!

Потом оба никак не могли успокоиться и уснуть, лежали, боясь посмотреть друг другу в лицо. Наконец Ленский не выдержал:

– Похоже, мне придется доплачивать Денису за то, что одно его присутствие возбуждает мою бабу. Может, пригласим его к нам в постель?

Разве можно от него хоть чтонибудь скрыть?! Анне было стыдно, она решила перейти в атаку. Правильно говорят, что

нападение – это лучшая защита.

– Так и знала, что ты скажешь какуюнибудь гадость!

– А что, я должен молчать за свои же деньги?

– Слушай, а если я с ним действительно пересплю, ты что, убьешь нас обоих или пытку крутую придумаешь, как там у вас, у мафиози, принято?

– Ну, вопервых, я не мафиози, я только отмываю их деньги. Вовторых, Денис не дурак, у него таких, как ты, вагон и маленькая тележка, и ты его никогда не уложишь в постель. Там бывали такие шикарные бабы, до которых тебе далеко. Не надуй обиженно губки и не греми костями. Тоже мне, фотомодель! Не будет он изза тебя рисковать надежным источником дохода. Я его самый главный клиент. А третьих, я таких, как ты, найду тот же вагон и маленькую тележку. Зачем я буду какието разборки устраивать? Не хочешь жить хорошо – будешь жить плохо. Вернешься в свою двухкомнатную халупу и пойдешь работать в магазин. Сама смотри, тебе выбирать.

– Чего ж ты тогда бесишься? Бери тележку, иди нагружай. Таких, как я.

– Да сам не знаю, чего бешусь. Психология – штука тонкая. К тому же мне сегодня понравилось, как мы друг друга любили, можно и повторить. Я завтра, пожалуй, снова приглашу на ужин Дениса. А что? Неплохая мысль!

Анна поняла, что он откровенно издевается, и молча отвернулась к стене. Сама не заметила, как заснула. А Ленский

еще долго лежал без сна, смотрел в потолок и думал, думал, думал...

Малиновский стал появляться в их доме часто, гораздо чаще, чем другие «нужные люди». Этих Анна просто терпеть не могла, особенно «крышу». От «крыши» чаще всего приезжали два мужика, почемуто всегда одетые в черное. Черные джинсы, черные футболки, в прохладную погоду черная кожа. Один был ужасно толстый, пузатый и вечно лез к ней с пошлыми комплиментами, второй же, напротив, симпатичный смуглый молодой парень. Черное ему не шло, он казался еще темнее лицом, и зачем он одевается и делает все так же, как пузатый, Анна не могла понять. Этих она только встречала, в разговоры не лезла, за столом никогда не оставалась. Но всей кожей чувствовала, что между ними и Ленским существует какое-то напряжение. Временами тот просто заставлял себя общаться с этими людьми, это бросалось в глаза, и Анне приходилось любезностями както сглаживать ситуацию.

Вот с Малиновским всем было легко и просто. Анна была уверена, что любая женщина, увидев Дениса в детстве, тут же восклицала: «Какой красивый мальчик!» Мальчик давно вырос, и теперь его ослепительная улыбка освещала особняк Ленского чуть ли не каждый вечер. С Анной он был любезен, но осторожен, здесь Ленский, как всегда, оказался прав. Анна понимала, что нисколько не влюблена в Малиновско-

го, но тем не менее даже от легкого прикосновения его руки мурашки пробежали по коже и начинала сладко кружиться голова. Порой ей казалось, что Ленский нарочно сводит их с Денисом, ставя какието свои психологические эксперименты. Она стискивала зубы и терпела, говорила глупости и колкости, появлялась перед обоими мужчинами неприбранная, в халате и упрямо делала вид, что Малиновский ей безразличен.

Зато их ночи с Ленским стали гораздо ярче. Это было похоже на соперничество хозяина положения с красивым, но зависимым от него другом, который без труда мог добиться женщины, которую он, Ленский, просто купил. Анну увлекала эта борьба; однажды она решила даже, что ее банкир просто напросто влюбился, но потом сама же этой мысли ужаснулась. Ленский? Влюбился? Хахаха! Да он не знает, с какой стороны у него сердце! Однажды ночью после вспышки страсти у Анны, вне всякого сомнения подогретой ужином с Малиновским, Ленский со своей неприятной усмешечкой сказал:

– А я тебя, Нюра, уважаю.

– За что, интересно? – так же гадко усмехнулась Анна.

– За характер. Ведь ты не ляжешь с ним в постель, хотя очень этого хочешь. Ладно, я знаю, как вылечить тебя от этой страсти к моему кобелюприятелю. Помучилась – и хватит.

– Как интересно! – улыбнулась Анна. – Не знала, что от страсти к красивому мужчине есть средство.

– Для тебя есть.

– А чем я отличаюсь от других?

– Тем, что ни на кого не хочешь быть похожей.

На другой день он впервые повез Анну в казино. Она была крайне удивлена, поскольку давно ему сказала, как презирает людей, выбрасывающих деньги на ветер. Самой Анне острых ощущений хватало и без рулетки. Если бы Ленский не пообещал ей лекарство от Дениса, она бы не поехала в казино ни за что.

«Интересно, что придумал этот доморощенный психолог?» Ей просто не терпелось узнать.

Когда в казино появился Денис под руку с роскошной и длинноногой блондинкой, Анна почувствовала, что ей не по себе. Блондинка выигрывала у нее по всем статьям, начиная от цвета волос, вне всякого сомнения натурального, и кончая изумительными суперногами. Анна невольно сжалась. Краем глаза она, не отрываясь, следила за Малиновским и его дамой. Когда блондинка исчезла ненадолго, видимо, чтобы подмазать губки, к Денису тут же подкатилась сногшибательная брюнетка в алом блестящем платье. Денис ей что-то недовольно сказал, брюнетка тут же в него вцепилась, явно собираясь закатить истерику.

– Это его бывшая любовница, – услышала Анна вкрадчивый голос Ленского. – А вон та – будущая.

Он кивнул на рыжеволосую девицу, которая не проявляла к Малиновскому никакого интереса и, кажется, вообще была

с ним не знакома.

– С чего ты взял? – разозлилась Анна.

– А Денис их чередует по кругу: черная, белая, рыжая. Я его привычки не первый год знаю. Ну, как? Будешь заниматься очередь? Только учти, что не пройдет и недели, как он поменяет тебя на очередную брюнетку. Привычка – вторая натура. – Ленский тяжело вздохнул: – Впрочем, можешь попробовать.

– Какой ты мерзавец!

– Я?! Вот уж нет. Я по натуре жуткий консерватор и могу дать слово, что никогда тебе не изменю. Так что выбирай: всегда со мной или пару месяцев с ним.

– Я пока не сошла с ума!

– И это радует. А он просто кобель. От этого не лечатся, от этого умирают.

– Все, поехали отсюда.

– И я так думаю. Тебя хватит, или еще дозу прописать? Может, застукаем его с кемнибудь в постели?

– Замолчи!

– Правильно, не стоит.

Анне захотелось его придушить. Нет, не насмерть, потому что он, мерзавец, как всегда, был прав. Но ему тоже хоть немного должно быть больно. Он ведь попал в самую точку: Анна терпеть не могла очередей, особенно за живым товаром. Вполне хватило Вани Панкова. И после поездки в казино она слегка охладела к чарам Малиновского. Нет, он не

перестал ей нравиться, но при мысли о том, что придется для начала занять очередь в его постель, Анну тошнило. И она тут же приходила в себя.

Ее жизнь летела, как паровоз, которому все время дают зеленый свет: вперед и со свистом. Проходили дни за днями: уроки английского языка, вернисажи, музеи, показы мод, приемы, гости. Мама с Сашкой наконец переехали в дом Ленского. Сына возили в школу на машине, да и школа эта была не простая, а мама от скуки разбила несколько грядок в углу огромного сада, разумеется, с разрешения Ленского. Иногда он со странной усмешкой наблюдал, как она пропалывает свеклу и прореживает морковь. Кроме того, мать часами просиживала в огромной библиотеке и, стосковавшись по работе, затеяла составлять каталог всех имевшихся там книг.

Иногда Ленский уезжал за границу, заранее никогда о своем отъезде не предупреждал, с собой Анну не звал, да она и не настаивала. Больше всего она не любила этих странных прощаний в аэропорту, иногда вообще не понимала, зачем Ленский ее туда таскает. Прежде чем пройти паспортный контроль и направиться на посадку, он молча и будто бы нехотя целовал Анну в щеку, ронял небрежное «пока» и, ни разу не оглянувшись, уходил прочь. Она только вздыхала с облегчением и возвращалась к своим картинам, книгам и бесцельным поездкам по городу. Впрочем, надолго Ленский никогда не уезжал. Сама Анна за границу не рвалась. Зачем?

И так у нее все есть, всего хватает, а чужая жизнь, она и есть чужая жизнь.

С некоторых пор она терпеть не могла модных курортов. Один раз они слетали с Ленским на уикэнд в Италию. Во-первых, Анну долго рвало в самолете: оказалось, что она абсолютно не переносит этот вид транспорта. Мысль о том, что возвращаться придется тоже самолетом, отравила ей весь отдых. Во-вторых, ей не понравилась незнакомая еда, не понравились люди, тоже решившие провести свой уикэнд на модном курорте. Особенно не понравились тупые бритоголовые мужики с золотыми цепями на шеях и их красивые телки в золоте и бриллиантах, которые считали Анну своей. Будто бы Анна была такой же, как они, девочкой на содержании. Втайне она тешила себя мыслью, что у них с Ленским все подругому, и никакая она не телка, и уж тем более не девочка, которая скрашивает жизнь немолодого богатого мужика.

Когда они прожили с Ленским год, он сделал Анне «скромный» подарок. В этот вечер они, как обычно, сидели в комнате перед камином, шел дождь, на улице было холодно и мерзко, а в доме тепло и тихо, потрескивали дрова, в очаге ровно гудело пламя. Ленский позволил себе немного расслабиться, маленькими глотками пил подогретое вино, и его слегка разморило.

- Нюра, а ведь год прошел! – Он сказал это задумчиво.
- Да? Как интересно!
- А ты все такая же язва.

– Прелестный комплимент для нашего юбилея!

– Ладно, не дуйся, я купил тебе подарок.

– Бриллиантовые серьги?

– Еще чего! Нет, Нюра, в тебе ни грамма романтики. Я купил для тебя маленькую виллу в Греции и назвал ее «Эсмеральда», что значит «жемчужина». Ну как?

– Пошло, Ленский. Я не о вилле, о названии.

– Зато красиво, могла бы в этот раз гадости не говорить, – вдруг обиделся он.

Они помолчали немного, Анне стало стыдно: плюнула человеку в душу. И она улыбнулась:

– Ты извини. Что, в детстве любил читать «Собор Парижской Богоматери?»

– Допустим.

– Спасибо, Дима, я рада.

– А чего тогда не веселая? Тебе что, подарок не нравится?

– Ну сам подумай: что мне дом на какомто Средиземном море? Я его даже не представляю, как он может мне нравиться?

– Хочешь, поедем туда? Кстати, почему мы только один раз были за границей? Я не себя имею в виду, а нас в целом.

– Потому что тебе некогда, ты никогда не бываешь в отпуске, даже на отдыхе в редкие выходные не расстаешься с сотовым телефоном. Ты работаешь, я учусь, хожу по музеямгалереям, и я плохо переношу самолет и акклиматизацию, вспомни Италию. Нет уж, раз родилась в России, среди бе-

резок средней полосы, тут мне и быть.

– Ладно, никто ничего не знает про свою жизнь. Бери мой подарок, владей.

– Ты на меня оформил виллу?

– Да.

– А если мы расстанемся?

– Тогда заберу обратно.

– Милый подарок. Если бы я его еще оценила.

– Со временем оценишь.

– И кто мне скажет, когда придет это самое время?..

Анна вздохнула, подставила свой бокал, в который Ленский тут же плеснул шампанского, и с удовольствием выпила: все-таки целый год, прожитый вместе, – это повод.

Глава 4

Успех

Иногда Ленский спрашивал мнение Анны о какойнибудь купленной им картине, а поскольку их вкусы сильно расходились, то начинались бурные дебаты. Она давно научилась сдерживать себя и молча проглатывала самые обидные слова, но его пристрастие к так называемой живописи просто выводило Анну из себя. Она не понимала, как такого человека сумели убедить в том, что полотна эти со временем будут стоить кучу денег.

– Нюра, ты больная. Какая тебе разница, что там висит? – усмехаясь, спрашивал Ленский.

– Это ты больной. Ты случайно не дальтоник?

– Нет. С чего ты взяла?

– Пойди проверься у окулиста. Ты абсолютно не чувствуешь цвета.

– Как его можно чувствовать?

– А так. Он живет, он дышит, он, наконец, пахнет. Вот, например, мои духи, какого они цвета?

– С ума сошла?

– Они золотистокоричневые. Это «Клима». А «АнаисАнаис» белые. «Кензо» – зеленые, «Жан Поль Готье» – бордовые. А твоя мазня – это просто большая бесформенная и

бессмысленная клякса.

– Знаешь, Нюра, иногда я начинаю понимать, почему живу именно с тобой, – задумчиво протянул Ленский.

– Ну, спасибо. Тогда, может, снимешь со стены это уродство? – Анна выразительно ткнула пальцем в очередной «шедевр».

– Ладно, скажи, чтобы это отнесли в мой кабинет.

Она только фыркнула и мысленно послала его к черту. То есть к самому себе.

У нее не было подруг: после случая с Ольгой Калининской Анна стала очень осторожной. Все, что ты скажешь, могут использовать против тебя. Она поняла, что женщина женщине всегда соперница, и потому надо держать ухо востро, в то время как мужчина всегда готов искренне посочувствовать, поскольку сам принадлежит не к слабому, а к сильному полу. Поэтому с дамами деловых партнеров Ленского у Анны установились ровные и ни к чему не обязывающие отношения. Кончилось тем, что все, даже свои интимные женские проблемы она вечерами стала обсуждать с Ленским. Тот принимал это со свойственным ему цинизмом и давал довольно дельные советы.

– Ты взрослеешь, Нюра, – сказал он однажды.

– А ты стареешь.

– Это жестоко.

– Знаешь, ты ведь меня тоже не жалеешь. Сказал бы хоть раз чтонибудь приятное.

– Например?

– Ну, что я красивая.

Он расхохотался и, прищурившись, внимательно оглядел ее с ног до головы:

– Местами.

– На себя посмотри.

– А что? Я, между прочим, трезво себя оцениваю и на комплименты не напрашиваюсь. А ты лучше в телевизор посмотри, вот та баба – это да! Это что-то такое... – Он даже нарочно облизнулся, чтобы Анну еще больше позлить. Но она давно знала, что жена Ленского начинала манекенщицей и с тех пор, как она сбежала, он откровенных красоток просто не выносит.

В этот вечер они валялись на диване в гостиной перед огромным телевизором, пили пиво, закусывая его креветками, и смотрели музыкальный канал. Иногда Ленский позволял себе такую пошлость, как пиво, Анна же мечтала хоть немного поправиться, а после пива ей всегда хотелось есть. Так вот, они пили пиво, а на экране в это время резвилась крашенная под блондинку девица в красных кожаных шортах и туфлях на высоких шпильках. Камера все норовила залезть ей в трусы. Если бы Анну не повело слегка от пива, она бы, как всегда, смолчала. Вsetаки она жила в доме Ленского и на деньги Ленского.

Но алкоголь сделал свое злое дело. Анна ткнула пальцем в направлении экрана и завопила:

– Да ты на нее посмотри!

– А что? Красивая девка.

– У нее же голоса нет!

– Зато фигура шикарная, и музыка ничего, заводная.

– Какая?

– Ритмичная.

– Ага, треньбрень. А слова?

– При чем тут слова?

– Да там даже рифмы нет!

– А зачем рифма? Это же песня!

– Это мерзость, а не песня.

– Да ты и так не можешь. Критиковать легче всего, поэто-
му критиков всегда больше, чем исполнителей.

– Что? Да я таких песенок могу наклепать сколько угодно!

– Ты что, музыке училась?

– Этой музыке и учиться не надо. Да, я не знаю нот, но зато я ее слышу, она уже во мне, и слова во мне. И зря я сказала, что могу наклепать сколько угодно таких песенок. Мои были бы лучше. По крайней мере, там были бы рифма и смысл, и в трусах я бы не стала прыгать, чтобы никто не заметил отсутствия у меня голоса и слуха.

– Ладно, я деловой человек и не люблю понапрасну сотрясать воздух. А тебя надо хоть разок проучить.

Анна пришла в ужас: да он абсолютно трезв и нисколько не шутит! А Ленский довольно жестко сказал:

– Чтобы доказать свою правоту и твою глупость, я готов

на некоторое время арендовать тебе студию. Нанять композитора, который запишет чушь, которая в тебе якобы звучит. Ты меня слушаешь? Затем нанять клипмейкера, который сделает так, как ты захочешь. Потом я заплачу за то, чтобы твой ролик появился разок на этом же канале, и буду громко смеяться. Если ты действительно умная баба, то посмеешься вместе со мной.

Тут Анна еще больше испугалась. Ласковой кошечкой прижалась к его плечу:

– Ладно, я погорячилась, пива перепила, прости. Это же какие деньги! Зачем столько тратить для того, чтобы доказать, что я не права?

– Ну уж нет, радость моя. Чтобы эти глупые споры об искусстве больше не повторялись, давай раз и навсегда поставим точку. Я хочу оплатить свой покой, а это – самое дорогое, что у меня есть. Денег мне для покоя не жалко. Приступишь завтра же.

– Дима!

– Все. Будет так. Не забывай, что ты живешь на мои деньги. И я твой хозяин.

Анна сжалась в комок. «Попала, ну попала! За язык меня тянули, что ли? Как хоть это делается? Ладно, утро вечера мудренее, может, чтонибудь придумаю, да и Димка отгадет и простит».

В постели она попыталась к нему подлизаться, была особенно нежной и старательной. Ленский же ее ласки принял

с откровенным удовольствием, а под конец сказал:

– Если ты думаешь, что мое решение можно переменить с помощью таких дешевых штучек, ты еще плохо меня знаешь, девочка.

«Чтоб ты сдох! – мысленно выругалась Анна. – Мог бы сказать это и до того, как я стала изображать дикую страсть! Нет, всетаки вредный он мужик! И почему я терплю его издевательства?»

И она уснула, боясь даже подумать о том, что будет завтра.

Проснувшись на следующее утро, она сладко потянулась, перевернулась на другой бок и, вдруг вспомнив события вчерашнего вечера, резко выпрямилась и села в постели. Голова слегка гудела. Ленского не было, но на тумбочке, стоящей рядом с кроватью, лежала записка.

«Это чтото новенькое! Сроду мне Дима посланий не оставлял, а тут вдруг расщедрился! Нука, нука! Что это за записка? Сейчас мы оценим его неповторимый стиль».

На клочке бумаги кривыми буквами было написано одно только слово: «Приступай».

Анна даже передернулась от злости. С такой фамилией мог бы попробовать написать хотя бы одно распространенное предложение! Она уже поняла, что, назвавшись груздем, придется ползать куда сама напросилась. Она не спеша встала, приняла душ, долго завтракала и вообще всячески оттягивала неприятный момент. Но потом поняла, что вече-

ром Ленский первым делом потребует у нее отчета о прошедшем дне. И это впервые за все время их совместной жизни!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.